

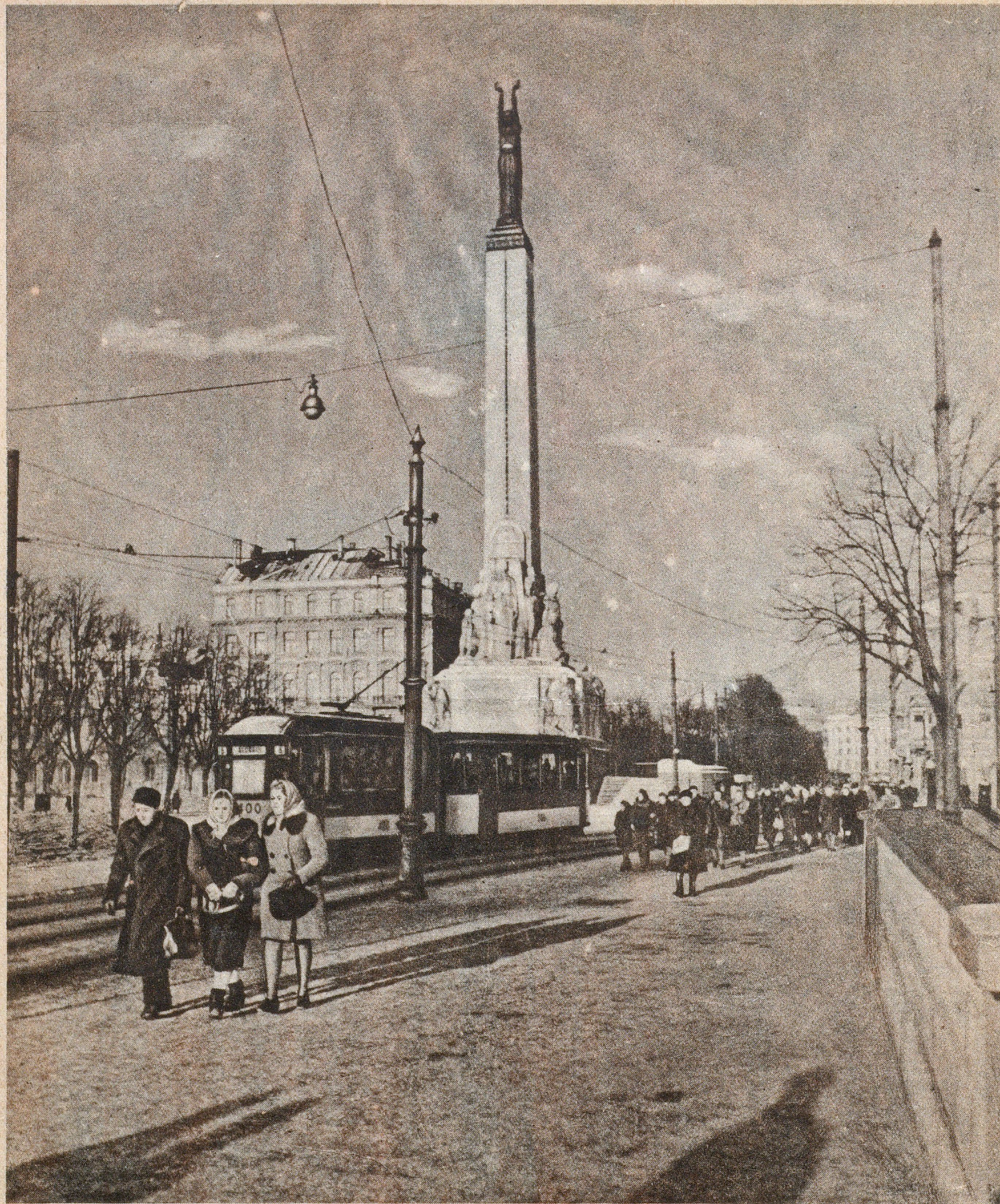
Огонёк

№ 14

1945 год

На площади Свободы в Риге (см. в номере репортаж «Рижская хроника»).

Фото спец. корреспондента «Огонька» С. Фридланда

НА ОБЛОЖКЕ: Герой Советского Союза гвардии полковник Музыкин (в центре) с группой офицеров в только что занятом нашими войсками немецком городе. Часть полковника Музыкина несколько раз получала благодарность Верховного Главнокомандующего. Фото А. Морозова.

Огонёк

№ 14 (933)

Вторник, 10 апреля 1945 года

ТАК БУДЕТ!

Анатолий Сафронов

Метельные ветры, снега на равнинах,
Багровое зарево, тучи в огнях;
Дороги, ведущие только к Берлину,—
Так начат был год сорок пятый —
в боях!

Солдаты, солдаты отчизны могучей,
Идущие только вперёд и вперёд,—
Как грохот обвала, как гром из-за тучи,
Как молния мести,— ваш славный
поход!

Земля, содрогаясь от выстрелов
резких,
До неба взлетала, на комья крошась,
У стен Кёнигсберга, в равнинах
силезских,

На Одере в грозный, карающий час.
Дороги чужие, дома и предместья,
Высокие башни, кирпич и стекло,
И прусская злоба — всё собрано
вместе,

Всё это дышало, смотрело, жило,
Отсюда пошли они чёрною тучей,
В крови по колено, по горло в золе...
Солдаты России! Мы немцев отучим
От русской земли — на немецкой
земле!

Советские воины в прусских долинах!
Маршрут вам по карте намечен один,
Любая дорога ведёт лишь к Берлину,
За Одер, за Франкфурт!

К Берлину!

В Берлин!

Так пусть же орудия громче грохочут,
Знамёнам побед над Берлином
сверкать!

Так Сталин решил,
и народ наш так хочет!

Так будет!

Иному теперь не бывать!

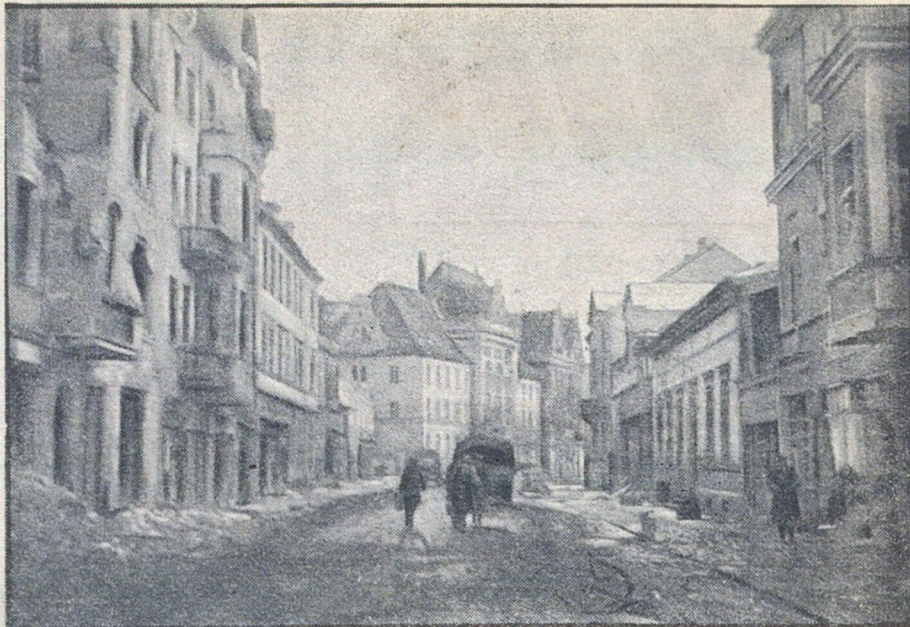
У памятника «Неизвестному солдату» битой немецкой армии в немецком городе — известный воин победоносной Красной Армии, Герой Советского Союза И. И. Гавриш. Сотни километров прошёл старший сержант Гавриш по вражеской земле. Закалённые в огне биты, преодолевая все преграды, неуклонно идут вперёд советские воины к заветной цели — к окончательному разгрому гитлеровских орд. Они идут к самому сердцу фашистской Германии — к Берлину, чтобы водрузить над ним славное знамя победы.

Фото Дм. Бальтерманца

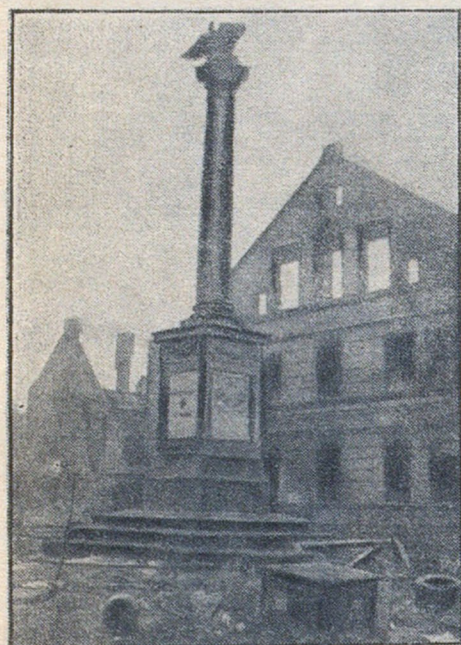
Ратуша одного из прусских городов. Здесь же помещалась полиция. Господин бургомистр успел удрать, но он не успел подписать очередной приказ: на его столе листок, и вместо подписи клякса. В кабинете начальника полиции доносы, стиски неблагонадёжных, крем для рощения волос и почему-то дамские чулки. Теперь в ратуше разместились наши сапёры. А каменные львы лежат и, видимо, думают о судьбе «Великой Германии»...

↓

↑

Улица большого немецкого города. Ещё недавно бюргеры по ней чинно прогуливались. Они не думали, что война придёт к ним. Они обсуждали, как их сыновья разрушают Киев или Варшаву, Роттердам или Тулон. Теперь они узнали, как ступает война по камням Гитлерштрассе.

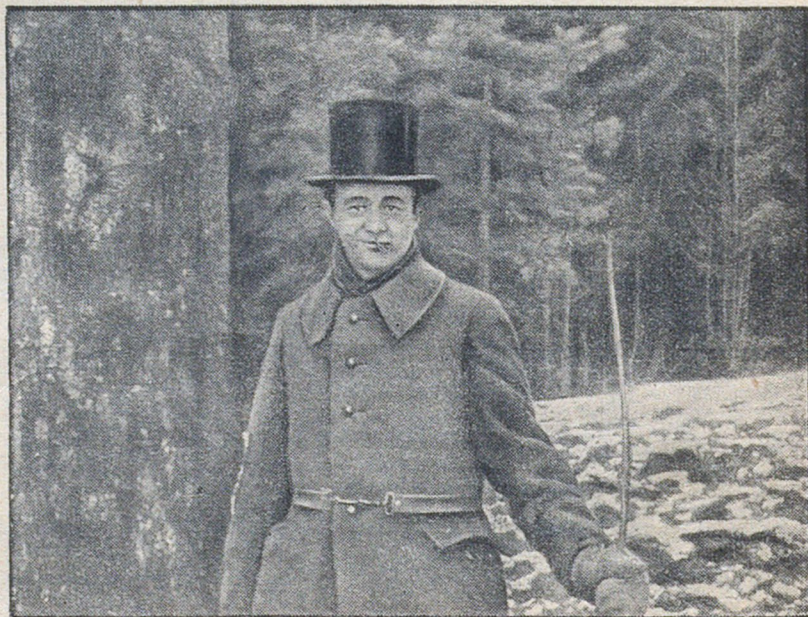
← Дом фашистской партии. Он сгорел. Перед ним памятник с кривым прусским орлом. Этот орёл должен был прославить пруссаков, в 1870 году топтавших камни Парижа. Но всему своё время: птички в клетке.

→ Немцы и немки хотели убежать. Они везли с собой добро: сундуки и перины, набрюшники и пивные кружки. Неожиданная остановка: впереди русские танки. Немцы и немки разворачиваются. Каждому свой черёд: много лет немцы терзали Европу; от них убегали польки и француженки, сербки и белорусски. Теперь настала расплата.

→

В отличие от племенных «арийцев» племенные голландские коровы заслуживают внимания. Шутя, надел боец фуражку немецкого офицера на корову: немецкая корова в парадной форме.

Красная Армия освободила тысячи и тысячи узников: французов, англичан, американцев, голландцев, бельгийцев. Радостно они идут на восток: домой через Одессу. Француз-военнопленный почти пять лет томился в немецких «сталагах». Он голодал, узнал унижение. Его освободили. Наконец-то он хорошо пообедал, закурил немецкую сигару, надел для смеха цилиндр бургомистра и говорит: «Посмотрите: разве я не похож на Риббентропа?..»

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

И. Ермашев

10 апреля 1945 года

ПЕРЕД КРАХОМ ГЕРМАНИИ

Гитлеровская Германия доживает свои дни. Катастрофически быстро приближается её полный крах. То, что товарищ Сталин предвидел ещё в самом начале войны, осуществляется: гитлеровское государство бесславно и позорно погибает под тяжестью своих чудовищных преступлений.

В одной американской газете была напечатана карикатура, изображавшая Гитлера в ставке. Обанкротившийся «фюрер» отдаёт приказ своим генералам, оторопевшим от ужаса: «Прикажите армиям с Запада отступать на Восток, а армиям с Востока отступать на Запад!» На практике дело обстоит несколько иначе, ибо немцы только с Запада отступают без боёв, сдавая союзникам город за городом, область за областью. Американский художник хорошо отразил нынешнее состояние кровавой гитлеровской империи: смятение, хаос, ужас.

Основной силой, которая предопределяет масштаб и темпы крушения гнусного фашистского царства смерти, остаётся попрежнему Красная Армия. Нельзя понять причины столь быстрого развала немецкой обороны на Западе, если даже на мгновение упустить из виду, что, как и раньше, три четверти всех вооружённых сил Гитлера прикованы к советско-германскому фронту. Более того, буквально накануне перехода союзных армий в наступление, на советско-германский фронт было переброшено с Западного фронта 15—20 немецких дивизий, в том числе 6-я танковая армия «СС», почти целиком уничтоженная в боях к западу от Будапешта.

На фронте от Балтийского моря и до Динарских Альп (в Югославии) Красная Армия сражается против основных сил Германии и уничтожает их. За время, истекшее с 30 марта, советские войска одержали ещё ряд блистательнейших побед. Они уничтожили остатки немецкой 2-й армии, освободив Гдыню и Гданьск, очистив всё побережье Гданьской бухты. 9 апреля советские войска штурмом овладели крепостью и городом Кёнигсберг. «Котёл» в Глогуве (Глогу) ликвидирован. Что касается бреславльской группировки немцев, то её окончательный разгром предreshён.

Ещё более важные успехи достигнуты нашими войсками по обеим сторонам Карпат—в Силезии, Чехословакии и Австрии. Войска маршала Конева и генерала армии Ерёменко, действующие на территории Чехословакии, с двух сторон приближаются к Моравской Остраве—одному из важнейших районов крупной промышленности в Юговосточной Европе. Уничтожающим был удар войск маршалов Малиновского и Толбухина, очистивших от немцев всю Венгрию и перенёсших операции в Австрию. Освобождение Братиславы означает, между прочим, конец для словацких вассалов Гитлера. Из Братиславы ведёт одна из важных дорог на Вену. Но к австрийской столице ещё ближе подошли войска маршала Толбухина—6 апреля они были уже под стенами Вены, в последующие дни они ворвались в город и вели бои на центральных улицах.

Братислава и Вена—два наиболее мощных бастиона так называемой центрально-европейской крепости Гитлера. И гитлеровцы ожесточённо защищали эти бастионы. Но отстоять их не смогли. Точно мощный таран Красная Армия вклинивается в южные пределы гитлеровского царства, и уже потеряли всякий смысл планы врага, предусматривавшие создание здесь последнего убежища для фашистских преступников. Под ударом оказались также немецкие стратегические коммуникации, по которым осуществляется связь между собственно Германией и немецкими войсками в Италии и Югославии.

Красная Армия продолжает вести борьбу против бешено сопротивляющегося врага, который на Востоке терпит решающие поражения. В результате у немцев осталось очень мало войск для какой-либо серьёзной обороны на Западе.

ЛИЦОМ К ОДЕРУ, СПИНОЙ К РЕЙНУ

Да собирались ли немцы серьёзно обороняться? Этот вопрос возникает вполне естественно даже при самом беглом анализе событий на Западном фронте. 23 марта ещё только начинались бои на Рейне, а спустя всего 17 дней союзные армии подошли к Эмдену, Бремену, Ганноверу—на севере, к Эрфурту—в центре и к Нюрнбергу—на юге. От Рейна союзные войска отошли более чем на 200 километров, и всё это почти без боёв или с весьма незначительными боями.

Куда же делись немецкие войска, находившиеся на Западе? И сколько их там было?

По данным английской и американской печати, немцы располагали на Западном фронте тремя группами армий: Группа «А» прикрывала дороги на Берлин и к портам, находящимся в Гельголандской бухте; Группа «В» прикрывала Рурский промышленный район и дороги на Берлин в центре; Группа «С» защищала южные пределы Германии. Но на самом деле всё это не более как «шикарные» названия: сообщалось, например, что численность всей армейской Группы «В» равна всего 100 тысячам человек. Нормально такая армейская группа должна насчитывать по меньшей мере 600—700 тысяч человек. Немцы фактически не дрались, а массами сдавались в плен.

В первые 12—13 дней наступления союзникам удалось свыше 300 тысяч немецких солдат и офицеров, причём, как сообщают корреспонденты английской и американской печати при штабах союзных армий, немцы сдаются целыми соединениями во главе с офицерами. Фактически гитлеровцы не оборонялись и рейнский укреплённый рубеж.

Продвижение союзных армий продолжалось и продолжается в таких условиях.

Перед фронтом 21-й армейской группы фельдмаршала Монтгомери в несколько дней рассеялась немецкая армейская Группа «А». Группа «В» оказалась окружённой в Руре и не делала никаких попыток вырваться из окружения. Группа «С» не дала ни одного сражения: частям 3-й и 7-й американских армий. Что бы случилось,

если бы гитлеровское командование перебросило с Восточного фронта на Западный 60—80 дивизий с необходимым количеством танков, артиллерии и авиации? Такой маневр столь крупными силами мог бы оказать серьёзное влияние на соотношение сил и на развитие операций. Но Гитлер не снял ни одного солдата с Восточного фронта. Наоборот, не оказывая почти никакого сопротивления на Западе, гитлеровцы с небывалым упорством продолжают сопротивляться на Востоке. Фигурально выражаясь, можно сказать, что германский фашизм почти всё время стоит лицом к Одеру и спиной к Рейну.

Чем объяснить столь различное поведение фашистов на Западе и на Востоке? Ведь здесь должен быть какой-то расчёт, ибо немцы фактически жертвуют Западной Германией, не оказывая сопротивления союзным армиям, и в то же время любой ценой пытаются удержать линию Одера, как и свои позиции в Чехословакии и Австрии. Неужели гитлеровцы могут таким путём рассчитывать спастись от разгрома? Конечно, нет: у Гитлера нет реальных сил для предотвращения полной катастрофы, которая прибли-

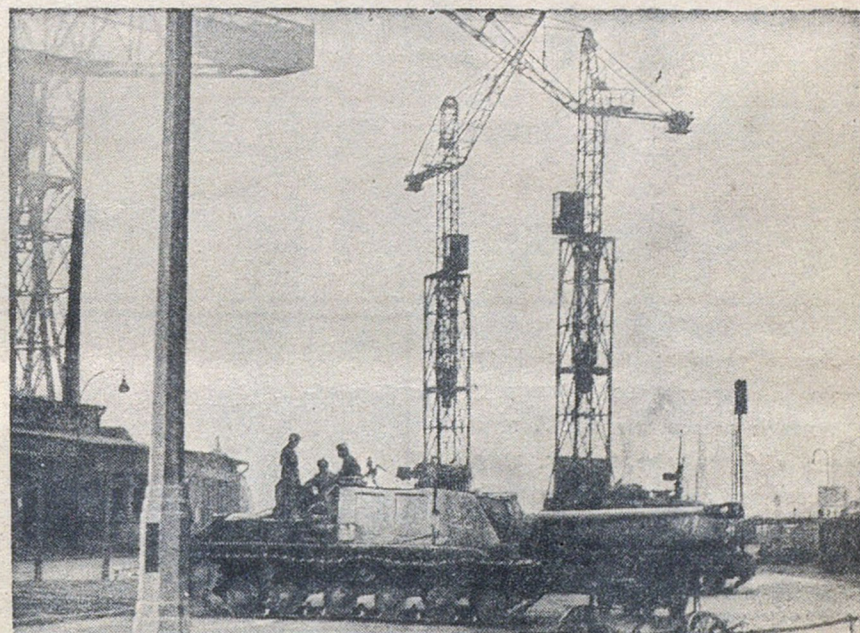
жается быстро и неотвратимо. Спастись от разгрома невозможно.

Германское командование знает, что если бы оно стало на путь ослабления своих сил на Востоке, то это немедленно повело бы к полному крушению германской армии. Красная Армия не дала немецкому командованию никакой возможности маневрировать силами между Западом и Востоком.

ТЩЕТНЫЕ НАДЕЖДЫ ФАШИСТСКИХ ПАЛАЧЕЙ

Гитлеровская Германия, зажатая в тисках между двумя фронтами, лишена возможности предотвратить свой полный разгром. Германским фашистским преступникам, палачам и детоубийцам придётся отвечать за все свои злодеяния. Гитлеровское царство смерти окончательно рухнет под ударами Красной Армии. Наступление союзных армий только продемонстрировало слабость немцев, их неспособность вести войну на два фронта. Не удастся спастись кровавым извергам, свергшим все народы Европы в пучину горя и страданий. Свободолюбивые страны, вынесшие смертный приговор гитлеризму, приведут его в исполнение, к каким бы ухищрениям ни прибегал коварный враг.

Крах Германии наступает!

Войска 2-го Белорусского фронта штурмом овладели городом и крепостью Гданьск (Данциг)—важнейшим портом и военно-морской базой немцев на Балтийском море. Национальный флаг польского государства поднят над Гданьском. На снимках: сверху — Гданьский порт; внизу — советские танки на улицах Гданьска.

Фото Я. Рюмкина

РИЖСКАЯ ХРОНИКА

Фоторепортаж Л. Русановой и С. Фридлянда

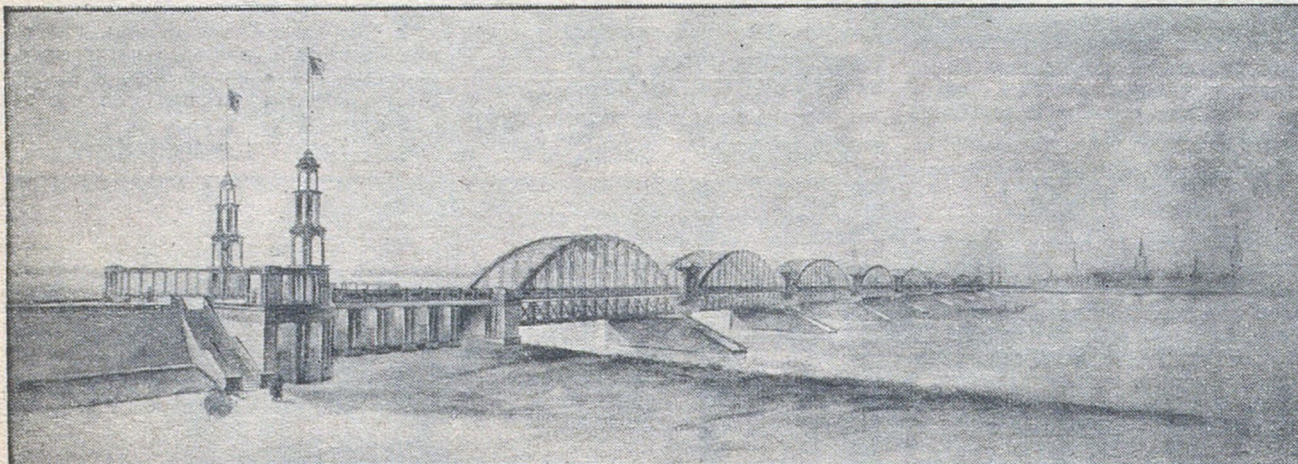

Рига. Столица Латвийской республики. Одна из красивейших городов Советского Союза. Город когда-то шумного порта и прославленных курортов.

Три года хозяйничали немцы в Риге. Они угоняли людей в рабство, увозили ценнейшее оборудование, взрывали мосты, портовые сооружения, заводы.

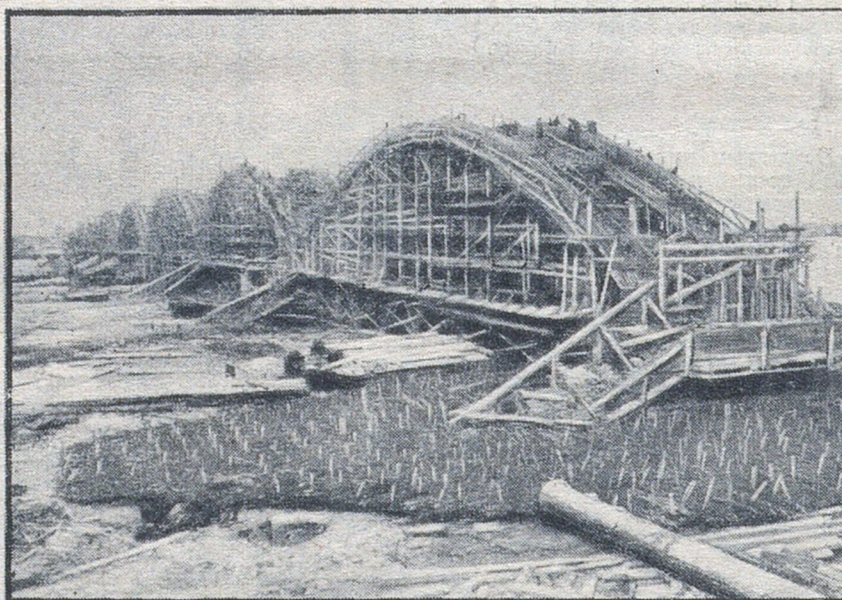
Наступление Красной Армии не дало псто-кам тевтонов развернуться в издавно облюбо-ванной ими столице Латвии. Город уцелел. Только старая часть Риги пострадала: немцы обстреливали её из-за Двины один день, пока их не отогнала Красная Армия.

Рига освобождена пять месяцев назад. Ещё на подъездах домов висят «визитные карточ-ки» сапёров, удостоверяющие, что «мин нет», и множество других следов недавних боёв встречает нас на каждом шагу, но город уже возрождается, живёт и отстраивается.

Немцы взорвали мощную Кегум-скую электростанцию и рижскую городскую электростанцию. А теперь среди её руин уже пытит, шумит энергопоезд, как символ новой, за-рождающейся на пепелище жизни!

Кроме энергии, которую круглые сутки даёт городу энергопоезд, Рига получает электроэнергию от девят-надцати заводских установок.

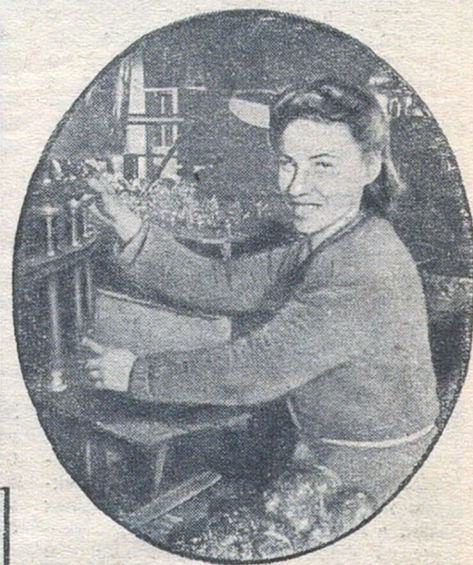

Немцы взорвали мосты через Двину. Но рядом с рухнувшим в воду железнодорожным мостом уже бегут через Двину поезда по новому мосту, который был выстроен за 30 дней. В конце февраля другой автогужевой мост только строился. Рижане переходили Двину по льду и временному мостику, любясь ещё одетыми в леса стройными фер-мами будущего моста.

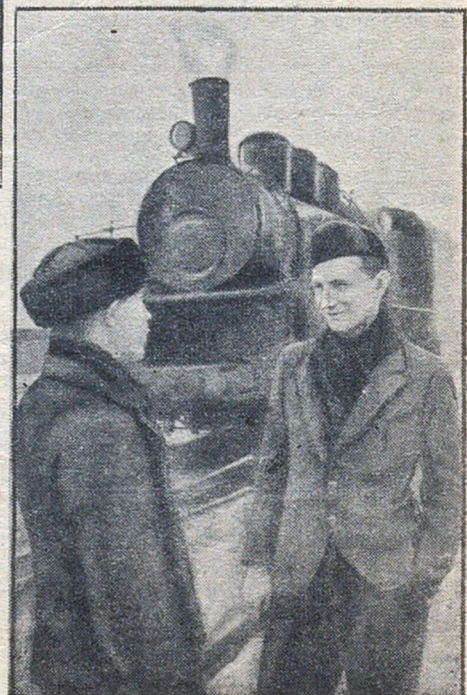
Теперь мост уже готов и связывает Ригу с заречной частью города.

Центральное паровозное депо на станции Шкиратова. Место, где было раньше (и скоро снова будет) депо, загромождено взорванными перекрытиями, изрыто гигантскими воронками. Но уже вырастают стены будущего депо, уже в только что выстроенном, пахнущем свежим ле-сом здании работают железнодорожные мастерские. Старые рабочие вернулись к уцелевшим станкам. Это фрезерные станки. Немцы пре-небрегли ими, потому что фрезеровщик Пушнинш унёс домой и спря-тал важнейшую деталь станка — распределительные головки. На снимке слева Пушнинш со своим учеником.

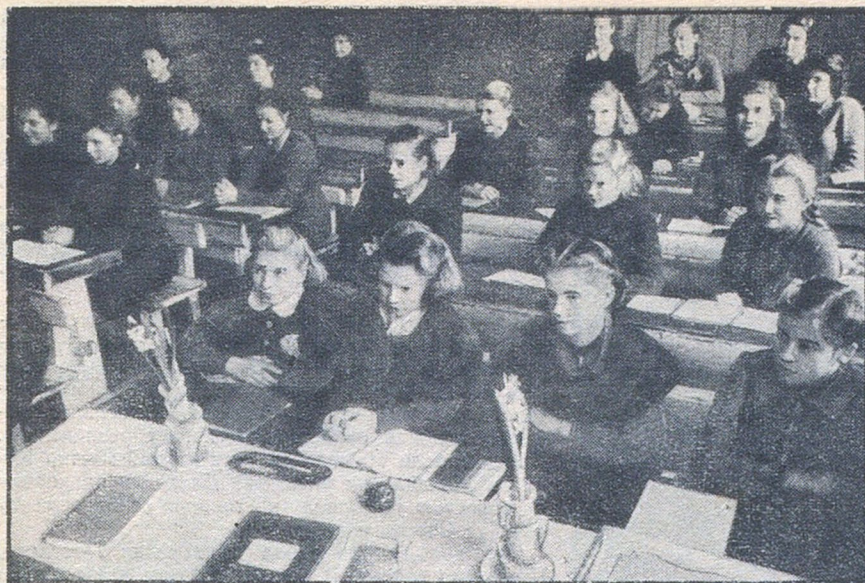
Один из самых почётных людей среди железнодорожников — лучший машинист Латвийской железной дороги Теодор Антэйнс. Он снят вме-сте с кочегаром его бригады Францем Василевским.

Национальная гордость Латвии — го-сударственный электротехнический завод «ВЭФ». Немцы увезли отсюда целый цех, производивший микро-скопические аппараты «Минокс». Сейчас завод выпускает телефонную аппара-туру (снимок сверху справа), электро-лампы и радиоприёмники. В лампо-вом цехе мы познакомились с Миль-дой Дамбиц, стахановкой-двухсотни-цей.

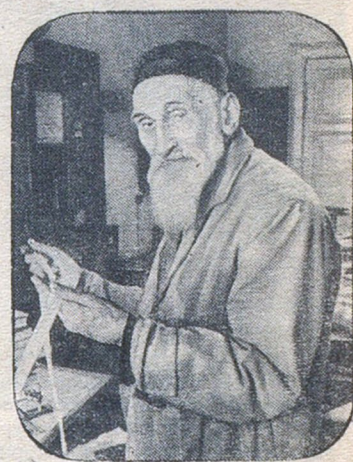

В эти дни 7-я рижская средняя школа отмечала своё пятидесятилетие. Этой школе в день юбилея было присвоено имя старейшего педагога города Натальи Драудзинш (снимок слева), проработавшей здесь ровно 50 лет — со дня основания школы. Сейчас Наталья Драудзинш 80 лет. Она уже не работает и переведена на государственную пенсию.

Научный центр Латвии — Государственный университет. Мы побывали в его просторных аудиториях (снимок справа) на лекциях ведущих профессоров университета. На тринадцати факультетах университета учится сейчас 2500 студентов. Преподавательский состав за годы немецкой оккупации сильно поредил: некоторые профессора расстреляны, другие насильно увезены из Риги.

В университетской обсерватории трудится профессор Блумбах, виднейший учёный, метролог с мировым именем. Профессор Блумбах, по собственному выражению, избегал «экспортировки в Германию» только благодаря своему преклонному возрасту.

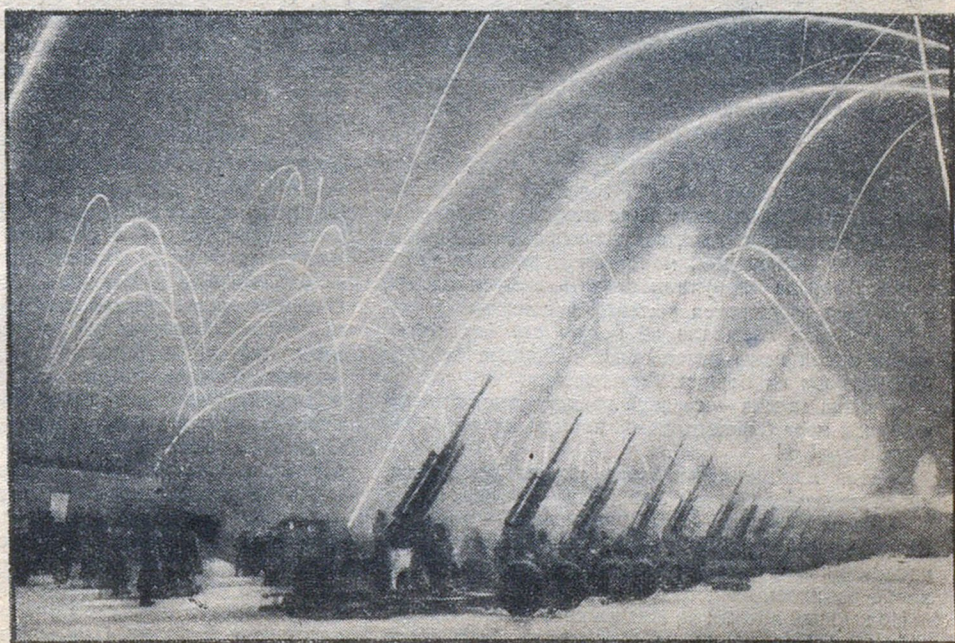
Фёдор Иванович Блумбах — современник и сотрудник Менделеева. Как и Менделеев, Блумбах посвятил свою жизнь метрологии — науке точных измерений. Спустя несколько лет после смерти Менделеева Блумбах принял его пост — управляющего палатой мер и весов в Петербурге. Фёдор Иванович рассказал нам о своей встрече с Лениным в 1920 году в Кремле и о том, как быстро и охотно Владимир Ильич поддержал предложение палаты мер и весов о введении метрической системы.

Уже через три месяца после изгнания немцев рижские театры показали несколько новых спектаклей. В театре драмы идёт пьеса Вилиса Лациса «Невестка», посвящённая борьбе латышского народа с немцами. Латышский художественный театр показал премьеру — историческую пьесу народного писателя Латвии Андрея Упитса «Спартак». После спектакля, за кулисами театра, мы сняли писателя среди артистов, исполняющих основные роли в его пьесе (снимок слева). В театре оперы и балета возобновлена постановкой опера «Баньота». Автору оперы «Баньота» — старейшему композитору Латвии Альфреду Калниньшу (снимок в центре) — в этот день было присвоено звание народного художника республики.

Большое оживление царил в Союзе писателей Латвии в день выхода в свет первого номера литературно-художественного журнала «Карогс» («Знамя»). Председателю Союза писателей Латвии Андрею Упитсу (сидит в центре) только что принесли сигнальный номер журнала. Секретарь союза Карл Краулиньш (справа), писатели Юлий Ванагс и Анна Саксе любезно перевели нам содержание некоторых рассказов, напечатанных в журнале, и познакомили с периодическими изданиями Риги.

Советская Латвия, на земле которой в годы немецкой оккупации было втрое больше концентрационных лагерей и тюрем, чем действующих фабрик и заводов, особенно торжественно праздновала день Красной Армии — своей освободительницы. Весело было на улицах Риги в вечер торжественного салюта, после которого ещё долго в небе подымали огни цветных ракет и фейерверков, плясали лучи прожекторов.

А. Литвак

Фото Я. Бродского

И вот наступил час, которого ждали двадцать два месяца. Исая Львович Подгорный, начальник строительства, сдаёт первую очередь предприятия Александру Николаевичу Бурову, директору нового Владимирского тракторного завода. Перед тем как подписать акты, они ещё и ещё раз проверяют объём выполненных работ...

Командиры двух отрядов: строителей и творцов

Директор Владимирского тракторного завода А. Буров и начальник строительства И. Подгорный (справа).

новых тракторов марки «BTZ», — они трудным путём пришли к этому знаменательному дню. В военное время строителям было поручено соорудить новый завод без скидок на условия войны. В военное время инженерам, мастерам и рабочим тракторного завода поручили освоить выпуск машин, в которых нуждаются колхозы и совхозы.

Подгорного посылали на новую стройку тогда, когда армия наша начала свой победный путь от Сталинграда на Берлин. Ему сказали:

— Ваша задача — создать предприятие, которое в полной мере будет отвечать нормам мирного времени. Стройте!

Бурова посылали на завод директором тогда, когда цехи ещё были в лесах. Ему сказали:

— Ваша задача — дать тракторы — крепкие, сильные, выносливые, добротные. Стране нужна продукция вашего завода для того, чтобы больше хлеба родилось на полях.

Подгорный прибыл во Владимир с Алтая. В годы войны он был одним из строителей Алтайского тракторного завода. В тракторах марки «ATZ», в

сотнях новых машин, которые вот уже более года бороздят поля колхозов и совхозов, заложен его труд. Буров был в своё время главным инженером Челябинского тракторного завода. В первые годы войны он руководил заводом подшипников в Поволжье.

Так встретились на площадке нового Владимирского тракторного люди, вооружённые большим опытом: командир, который уже строил тракторный завод, и командир, за плечами которого были годы работы на тракторном и подшипниковом заводах. Это обеспечивало победу намеченного плана строительства и освоения предприятия.

Строить новый тракторный завод пришли сыновья и дочери колхозников прилегающих к Владимиру районов. Именно они составили костяк того большого коллектива, который оказался способным решать большие дела. Три-четыре десятка квалифицированных строителей, соорудивших заводы на Урале и в Москве, стали учителями большой массы юношей и девушек, которые избрали строительные специальности делом своей жизни. Стоит послушать, как говорят сегодня об учениках их учителя, чтобы убедиться, с какой заботливостью старое поколение работников нашей индустрии относится к молодёжи, идущей на смену. Иван Филиппович Словягин, начальник второго участка, каменщик-рекордсмен Михаил Михайлович Склянин, бригадир плотников Сергей Дмитриевич Захаров, старый столяр Иван Иванович Аверин и многие другие — они рассказывают о том, как девушки и юноши из Ундоло, из Вязников, из Собины становились квалифицированными строителями.

Росли цехи — и к железнодорожной платформе Владимирского тракторостроя начали прибывать ящики с оборудованием. Это были прекрасные произведения наших заводов — имени Ленина и «Станкоконструкция» — и сложные заморские станки. Наступала очередь монтажников. Это были люди из Сталинграда и Харькова, Москвы и Горького. Они приехали с тракторных и автомобильных заводов, чтобы помочь предприятию, входившему в семью передовых.

Пятнадцать лет назад, когда монтировалось оборудование первенца советского тракторостроения — гиганта на берегу Волги, — не было у Сталинградского завода собратьев, которые могли бы ему помочь. А сейчас пришла во Владимир помощь из разных городов, где давно освоено производство тракторов, автомобилей, подшипников. Челябинский инженер Бахарев стал главным инженером завода, из Сталинграда прибыл в отдел технического контроля инженер Кузнецов. Начальником моторного цеха стал инженер с Горьковского автозавода Чуфарин. Прибыли квалифицированные рабочие — шлифовщик Зимарёв и инструменталь-

щик Сазонов — с ГАЗ, кузнец Кузнецов — с ХТЗ и многие другие.

И опять приходили на завод парни и девушки из Ундоло, из Шуи, из Вязников, из Собины, приходили учиться, чтобы стать квалифицированными слесарями и токарями. Их обучали на сборке прибывшего оборудования. И сразу же, после того как станок оказывался установленным на фундамент, молодые рабочие и работницы брались за дело. Над их головами кровельщики ещё настилали крыши, рядом с ними штукатуры продолжали своё дело, а они осваивали профессии машиностроителей.

В цехе шасси Владимирского тракторного завода я познакомился с Евдокией Смолиной. Она переживала большую радость. Вчера прибыла телеграмма народного комиссара среднего машиностроения о том, что ей присуждена награда: значок «Отличник социалистического соревнования».

А давно ли обучал Смолину старый мастер Капитон Михайлович Фёдоров? Давно ли подходила с робостью Смолина к токарно-револьверному станку? Совсем недавно.

Она прибыла на завод из деревни Посохово, Шуйского района. В родном колхозе эта девушка руководила яслями. В летнюю страду колхозницы доверяли ей своих детей. Дуня ходила за ними, берегла, покуда матери трудились на поле. А сегодня Евдокия Смолина стоит у своего станка рядом с ученицей Анной Мацуевой, которая приехала из города Александрова. Мацуева робела первые дни, а сейчас, спустя полтора месяца, она говорит мне:

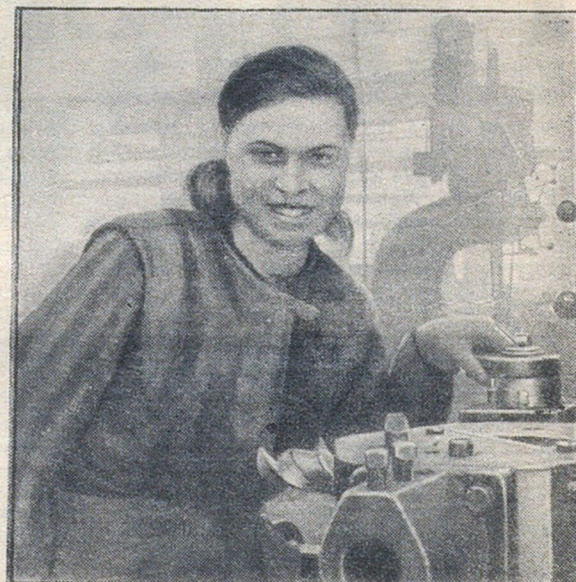
— Ничего, — справлюсь!

Смолина терпеливо обучает свою ученицу. У неё есть опыт. Она воспитывала колхозных ребятишек. Её воспитывал старый мастер Фёдоров. И сегодня отличница социалистического соревнования оказывается прекрасным учителем нового пополнения тракторостроителей.

В двадцатичетырёхильном пропашнике марки «BTZ» свыше 900 деталей. Едва ли только десяток из них придёт во Владимир со стороны. Всё для трактора будут делать владимирцы на месте: вот в этих цехах, которые в сумме своей называются первой очередью завода, и в тех цехах, которые сейчас сооружаются и будут входить в строй один за другим, покуда не будет завершено сооружение второй очереди.

...На погрузочной площадке подъёмный кран поднимает трактор, и устанавливает его на платформу... На конвейере тракторы, которым ещё сегодня или завтра будет присвоен очередной номер... В цехе моторов и шасси, в инструментальном и литейном готовятся детали сотен будущих тракторов... Рядом с выстроенными цехами вырастают новые корпуса, чтобы было больше тракторов у страны, чтобы росла и крепла мощь нашей индустрии.

Владимирский тракторный вступил в строй действующих предприятий. Он родился в военные годы и будет служить родине в годы мирного труда. По израненным полям пройдёт владимирский пропашник — и миллионы людей помянут добрым

Евдокия Смолина.

словом строителей завода и творцов новых машин, тех, кто в трудное время отдал свои силы, талант, творческое вдохновение сооружению нового предприятия, обогащающего нашу родину, делающего её ещё более крепкой и могучей.

МАЯКОВСКИЙ СЕГОДНЯ

Л. Никулин

Если бы Маяковский дожил до этих дней, ему бы было пятьдесят два года. В памяти у всех, кто знал его, он останется молодым, полным творческой энергии, неутомимым, неустанным новатором, поэтом-бойцом, отдавшим всего себя на служение родине и революции.

Как самоотверженно и страстно работал бы Маяковский, если бы дожил до дней Великой отечественной войны! В трудные дни испытаний первых лет войны и сейчас, когда знамена Красной Армии развеваются на подступах к Берлину, мы с чувством скорби вспоминаем о том, кого потеряла советская поэзия пятнадцать лет назад.

Слова Маяковского — «бомба и знамя» — воодушевляли наших людей на фронте и в тылу, призывая к самоотверженным подвигам. Всё, написанное Маяковским, его литературное наследие, убеждает нас в этом.

В тот год, когда воины Красной Армии освободили Крым, когда священная земля Севастополя была очищена от немецких злодеев, на развалинах города с какой-то особенной силой прозвучали стихи поэта:

«И если
в солнце жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
мы знаем —
вашей отвагой она
взята в перекопском штурме.
В одну благодарность сливаем
слова

тебе,
краснозвёздная лава.
Вовеки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!»

Эти стихи, обращаясь к бойцам, читал московский артист из фронтовой бригады через несколько дней после освобождения Крыма от гитлеровцев. Написанная более двадцати лет назад, «Последняя страничка гражданской войны» прозвучала так, как будто поэт писал стихотворение во славу освободителей Крыма от немецких захватчиков.

Презрение к смерти, готовность к любой жертве во имя защиты родины, её независимости и свободы — эта вечная тема гражданской поэзии сильно и мужественно звучала в стихах молодого Маяковского:

«Боишься?
Трус!
Убьют?!
А так
полсотни лет ещё можешь, раб,
расти».

И поэт восклицал горячо и пламенно:

«Ложь!
Я знаю,
и в лаве атак
я буду первый
в геройстве,
в храбрости».

Дорог и ценен для нас Маяковский мудрым поэтическим предвидением тех суровых военных испытаний, которые ожидали нашу страну:

«Раскрыл я
с тихим шорохом
глаза страниц...
И потянуло
                    порохом
от всех границ...»

Задолго, за четырнадцать лет до начала Отечественной войны, Маяковский писал, глядя в будущее зоркими глазами поэта:

«Ещё готовятся
                    пока —
пока не лезут,
                    дипломатии
                    улыбка тонка.
Но будет —
                    двинут
                    гром и железо,
танками
                    на хаты
                    и по станкам».

Именно так и было летом 1941 года, когда лавина немецких танков двигалась по полям Украины и Белоруссии, разрушая и уничтожая всё то, что было создано великим, всенародным трудом поколений.

У Маяковского было ощущение настоящего, ощущение сегодняшнего дня. И вот почему всё то, чем жила его родина, его народ, — всё находило отклики, живое эхо в его стихах: восставительный период, эпоха сталинских пятилеток, события международного значения, быт и «существеннейшая задача литературы», как писал Горький, — оборона родины.

Источник этой целеустремлённости, страстной и неустанной военной, оборонной работы поэта-гражданина один: любовь к своему народу, благородная гордость советского гражданина. Ещё в поэме «150 миллионов», глядя на разорённую, поднимающуюся из пепла страну, Маяковский воскликнул с гордостью:

«Россия
не нищий оборвыш,
не куча обломков,
не зданий пепел...»

Именно это чувство движет теми, кто сейчас возрождает Сталинград, Воронеж и своими силами, своим трудом воссоздаёт то, что было уничтожено гитлеровскими ордами:

«Мы будем работать,
                    всё стерпя,
чтоб жизнь,
                    колёса дней торопя,
бежала
                    в железном марше
в наших вагонах,
                    по нашим степям
в города,
                    промёрзшие наши!»

Сила и значение стихов Маяковского в том, что, читая их, всегда находишь живые строфы, написанные точно сейчас, сегодня.

Его странствие по всему миру, знание зарубежных стран, его стихи, доходящие до каждого передового человека, какой бы нации он ни был, интернациональный дух и сущность стихов Маяковского несколько не мешали ему быть поэтом русским, чувствовать свою кровную связь с Москвой, великим, старинным русским городом, столицей его социалистической родины.

В. В. Маяковский

И, обращаясь к молодёжи, он говорил как русский поэт, как поэт, чувствующий всё — силу, прелесть, музыкальность и красоту русской речи:

«Товарищи юноши,
                    взгляд — на Москву,
на русский вострите уши.
Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
                    без унынья и лени
я русский бы выучил
                    только за то,
что им
                    разговаривал Ленин».

Перечитывая Маяковского, убеждаешься в том, что лейтмотив его творчества, вечная, благородная тема его стихов, — это советский патриотизм, любовь к советской земле:

«С такую
                    землёю
                    пойдёшь
                    на жизнь,
на труд,
                    на праздник
                    и на смерть!»

И за эту любовь к родине, к своему народу любит и ценит Маяковского его читатель на фронте и в тылу. Он любит поэта за его гордую жизнь, за то, как смело он боролся, утверждая своё право говорить на своём собственном поэтическом языке, за его рыцарское служение родине и веру в могучую Красную Армию, защитившую родину Маяковского в грозный и решающий час испытаний.

«Сердце
                    республика
                    с армией сила,
нету

на свете
                    твёрже сплава.
Красная Армия —
                    наша сила.
Нашей
                    Красной Армии
                    слава!»

Слава Сталинграда, слава великих побед Красной Армии на Днестре, на Дунае, на Одере прозвучала над миром, и человечество с благодарностью обнажает голову перед теми, кто пал с честью в этих небывалых в истории человечества битвах, и перед теми, кто сейчас стоит у ворот Берлина.

Украшенный боевыми наградами, советский воин проходит по улицам Москвы и с чувством особого уважения произносит название площади: «Площадь Маяковского!»

Здесь, на этой площади, будет сооружён памятник поэту. Здесь приходят на память правдивые, вдохновенные строфы, которые имел право произнести лучший и талантливейший поэт советской эпохи:

«Я с теми,
                    кто вышел строить и мечь
в сплошной
                    лихорадке
                    буден.
Отечество
                    славлю,
                    которое есть,
но трижды —
                    которое будет!»

Пятнадцать лет прошло со дня смерти Маяковского; каждый прожитый год утверждает его славу и значение в литературе.

Отечество не забывает и не забудет своего поэта.

Свет во мраке

Владимир Беляев

Рисунок Г. Валька

Фото В. Мельника.

ПОЖАР, КОТОРЫЙ НЕ ТУШАТ

В первую ночь июня 1943 года над северной окраиной Львова вспыхнуло зарево.

Оно не угасало больше недели.

Ещё до того, как несколько слабых и разрозненных очагов пламени соединились в одну сплошную завесу огня, охватившую край неба от Высокого замка почти до Яновской Рогатки, ветер принёс оттуда глухие разрывы гранат, трескотню автоматов и полные отчаяния крики.

Горожане, живущие в центре, подбегали к раскрытым окнам.

Тишина пустых львовских улиц, замирающих уже после девяти вечера, снова напоминала о проклятом времени, которое переживал город — ещё так недавно весёлый и жизнерадостный.

На Краковской площади, за Оперным театром, ясно вырисовывались на фоне багрового неба очертания двух виселиц. Столбы их были врыты в землю в самом центре города. Повисли в петлях неподвижные трупы. Украинцы, поляки, русские. Вчера они ещё жили. Ещё в тюремных камерах до того, как повести обречённых на смерть, немцы залепили им рты гипсом — немцам страшен зовущий к отмщению предсмертный крик их жертв. Днём разрешалось подходить вплотную к мертвецам. По замыслу немцев, самый вид повешенных должен был рождать в живых ужас и покорность. Под обрывистыми склонами Высокого замка, на соседней Стрелецкой площади, лежали трупы расстрелянных немцами партизан и мирных жителей Львова, заподозренных в «неповиновении».

Трупы пролежат «для обозрения» день, другой, третий...

Но, как и на Краковской площади, мертвецов стерегут немецкие часовые. Пусть попытается кто приблизиться с наступлением темноты к месту казни! И его постигнет такая же участь.

Если одно приближение к мертвецам карается смертью, то что же говорить о помощи тем обречённым, кого настигают сейчас огонь немецких автоматов и пламя бушующего пожара!

Полыхающий ответ пожара видит современник Ивана Франко академик Василь Щурат. Седой учёный, потерявший в Майдане своего сына, он глубоко сочувствует несчастным, безуспешно зовущим на помощь в страшную эту ночь.

Разве не так же вот мысленно звал отца его сын?

Один из лучших математиков мира, профессор Степан Банах, содрогаясь, слышит вопли смертников. Его мысли и чувства тоже с ними. Он всего-навсего бывший учёный. Отложены в сторону книги, теория функционального анализа, которой посвящена вся жизнь. Ежедневно профессор Банах, превращённый немцами в кормителя вшей, приходит на службу в «противотифозный

институт» Вайгля, расположенный в здании бывшего университета. К его ногам служитель привязывает коробочки со вшами, и тысячи насекомых питаются кровью математика, чтобы потом, после откорма, пойти на вакцину, предохраняющую фашистских мародёров от тифа.

Возможно, именно в ту ночь задуманная украинским композитором Станиславом Лядкевичем мелодия его «Меланхолического вальса» превращается в сознании композитора в трагический и полный гневного протеста Реквием.

Надолго запомнят эту ночь и талантливый актёр Тадей Суrows, с приходом немцев ставший кельнером ресторана, и убежавший из Львова в пригородное село украинский писатель и переводчик Шекспира Михаил Рудницкий, и скрывающийся от немцев в сыром подвале профессор истории права Кароль Корани, и много, много других осуждённых изгнанников.

Не спят в эту ночь жёны и дети убитых немцами два года тому назад учёных Львова, родные изнасилованной и заколотой ножами гитлеровских садистов украинской артистки Оксаны Копытынской, все люди, ждущие громкого стука в дверь, ночного визита гестапо, обысков, смерти.

Пожалуй, впервые за те семьсот лет, что существует Львов, его пожарные, несущие службу на вышке ратуши, прекрасно видят пылающие дома, но не дают знать об этом вниз. Не стоит напрасно трудиться! Всё равно никто не поедет тушить эти пожары. Никого не допустят туда. Горят дома с живыми людьми. Проваливаются крыши. Падают в огонь раскалённые стены. Но ни один пожарный не вскопчит на подножку машины, не ударит в колокол, не застегнёт торопливо, на ходу, брезентовую куртку.

Пожарные шланги останутся сухими в ту ночь и ни одно ведро воды не будет выплеснуто в огонь.

В июньские эти ночи в северных кварталах Львова воду заменяет бензин.

Летят в огонь бидоны с бензином, бутылки с горючей смесью, зажигательные гранаты.

Под стены слабо горящих зданий потные и пыльные гитлеровцы подкатывают бочки

с нефтью. Они отбегают в сторону и короткими очередями из автоматов пробивают стенки бочек. Огненные фонтаники разлетаются по сторонам, пламя с грохотом рвёт бочки, нефть брызжет и расплёскивается на стенах — теперь выше взмывается огненный столб.

Так больше восьми дней пылают северные кварталы Львова. Зловещее зарево невиданного пожара не угасает ни на минуту. Вагоновожатые, которым доводится вести мимо трамвай, развивают здесь такую скорость, что стёкла зачастую вылетают на ходу.

Жаркое дыхание пожара проникает внутрь вагонов, мчащихся по Замарстиновской. Пассажиры слышат теперь крики людей совсем близко, рядом, вот за этим деревянным забором, откуда доносится запах горелого мяса.

Случайно ли вспыхнул пожар, в огне которого погибли последние из обитателей северных кварталов города, куда ещё совсем недавно была загнана треть населения Львова?

То, что началось здесь в первую июньскую ночь 1943 года, было лишь продолжением немецкого плана, задуманного значительно раньше.

«КОРОЛЬ» ПРИЕЗЖАЕТ В ГЕТТО

В пятницу 19 февраля 1943 года в раскрытые ворота львовского гетто на бричке, запряжённой парой сытых каштановых коней, въехал новый комендант лагеря — гаупштурмбанфюрер СС Иосиф Гжимек.

К приезду нового начальника все люди гетто были уже заранее выстроены по тревоге на широком плацу.

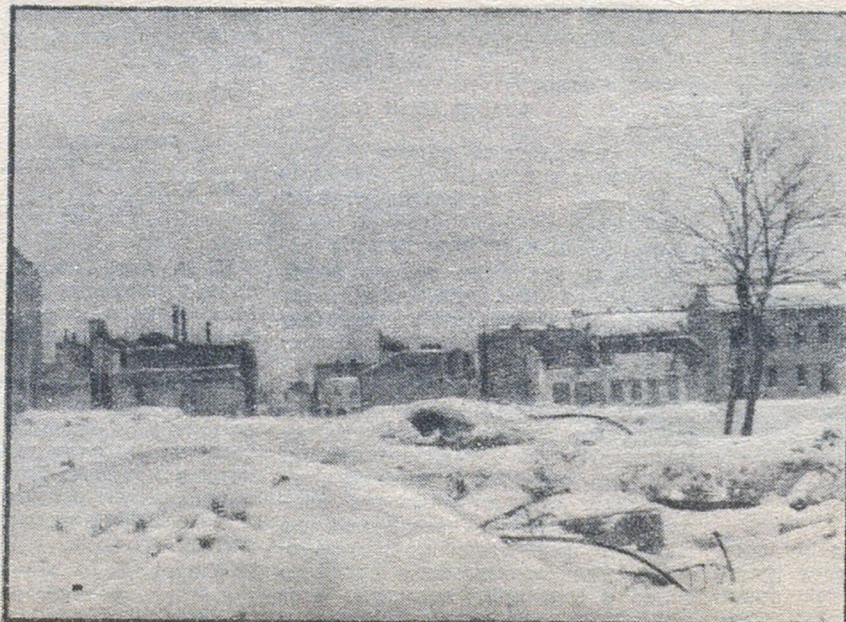
Гжимек въехал на бричке стоя, в длинном сером кожаном плаще, прижимая правой рукой висевший у него на ремне автомат. Высокий блондин с острым нахмуренным лицом, он дал знак кучеру, и тот сдержал напичканных до блеска коней. Гжимек осмотрел шеренги бледных, измученных узников, стоящих «смирно» с непокрытыми головами.

...Так началось царствование во львовском гетто того самого Гжимека, который любил говорить про себя: «Я король гетто».

Среди заключённых, встречавших нового коменданта, в одной из шеренг застыл с обнажённой головой спортсмен и педагог, в советское время инструктор Львовского городского комитета по делам физкультуры и спорта Игнатий Хигер.

За несколько кварталов от площади, в одной из комнат большого серого блока на Пелтерной, 49, были спрятаны двое его детей — семилетняя дочь Кристина и четырёхлетний сын Павел.

В то время когда Игнатий Хигер встречал Гжимека, Кристина и Павел находились в «бункере», сделанном за фальшивой стенкой под подоконником. Жена Хигера, Пепа, работала в первой смене на фабрике Шварца. Это швейная фабрика

Пустыня, покрытая снегом. Когда-то, года три назад, здесь был благоустроенный район Львова. Немцы уничтожили его.

принадлежала немцам и являлась ответвлением известной берлинской фирмы Шварц. Фабрика занимала пять домов на улице Мартина. Её обслуживали женщины, заключённые в гетто. Занимались они тем, что перешивали и ремонтировали одежду, отобранную немцами перед расстрелом у смертников. После ремонта одежду мертвецов, на которой часто были видны пятна крови, руководители фабрики Глик, Браун и судетский немец фон Клопотек отправляли в поездах в Германию. Там одежду распределяли среди германского населения как «винтер-

Холодные, безжизненные руины. В этих стенах людей сжигали живьём.

хильфе» — фонд «зимней помощи». Портных, занятых на фабрике, уводили из гетто и приводили обратно домой под конвоем.

ЖИЗНЬ, РАЗДЕЛЕННАЯ НА «АКЦИИ»

Осенью 1941 года немцы приказали евреям поселиться в северной части Львова, за линией железной дороги. Два квадратных метра на работающего — такова была жилищная норма, разрешённая немцами для переселящихся в гетто. Но не это было самым страшным. Слово «акция» отныне обозначало границу между жизнью и смертью для всякого заключённого в гетто.

Одна «акция» сменяла другую.

В августовскую «акцию» немцы убили семью и мать Игнатия Хигера. Жену и детей, запертых в другом месте, ему удалось выкупить у гестаповца, пришедшего за ними, за тысячу «злотых». Потом он достал удостоверение умершего рабочего с печатью «W» («Вермахт» — работает для армии). Людей, имеющих документы с такой печатью, ещё не истребляли. Хигер оторвал половину удостоверения умершего, приклеил его к половине удостоверения своей жены — и это спасло её в августе, когда погибло тридцать пять тысяч человек.

Гетто вскоре обнесется деревянным забором. Новые «акции» уменьшают его население.

В первый день нового, 1943 года начальник гестапо «дистрикта Галиция» генерал-майор полиции и бригаденфюрер СС Кацман называет торжественно гетто «арбайтслагерь» — трудовой лагерь. Отныне здесь могут оставаться только работающие, имеющие на документах знаки «W» или «R». Все остальные, а в их числе семьи — старики и дети — автоматически осуждаются на смерть.

5 января оберштурмфюрер Вепке, один из помощников Кацмана, начинает «акцию на нелегальных». Гестаповцы, приехавшие вместе с ним, стреляют в квартиры, поджигают дома, находят несчастных в дымоходах, в подвалах, в простенках.

Игнатий Хигер видит, как гестаповец, взобравшись на крышу дома 55, по Зрудляной, догоняет, громяхая по жести коваными сапогами, нескольких малышей. Те пытаются спастись от немца на самом краю крыши, у желобов водосточных труб. Гестаповец ползает к ним, изогнутой палкой хватая их за ноги. Дети плачут, кричат. Но немец не успокаивается до тех пор, пока не сталкивает всех вниз, на каменную мостовую. Другой мальчик спрятался на чердаке. Дом подожгли. Пламя выгоняет ребёнка на крышу. Но и здесь нет спасения. Огонь лижет жёсть

изнутри. Багровые языки пламени вырываются из слуховых окон. Мальчик взбирается на стену брандмауэра. Он стоит там, в одной рубашке, босой, боясь глядеть вниз. Его хорошо видят те гестаповцы, что подошли дом. Они хохочут внизу, поодаль от пожара. Пламя накаляет брандмауэр. Мальчику горячо стоять наверху. Он пляшет от боли на раскалённых камнях, обжигающих ему подошвы, он кричит от невыносимого страдания. И вот наконец щёлкает выстрел. Гестаповцы похлопывают меткого стрелка. Подстреленный мальчик летит в огонь.

Что же обещает приезд Гжимека?

«Слава» о нём уже давно разносится по всем лагерям и гетто Львовской области. Начальство назначает Гжимека только в лагерь, которые подлежат уничтожению. Так Гжимек «закончил» существование Ляцкого лагеря. Он уехал оттуда со своей любовницей, с кучером и помощниками. Позади оставались дымящиеся развалины, кровь, горы трупов и ни одного живого заключённого.

Так Гжимек «ликвидировал» им же самим созданное «образцово-показательное гетто» в Рава-Русской. Он не просто приезжал и истреблял. Нет. Сперва он наводил в лагере немецкий порядок.

Он начал создавать пародию «культурной жизни» и во львовском гетто. Всюду появились плакаты: «Ордуниг мус зайн» («Должен быть порядок»). Одна бригада заключённых занималась лишь тем, что подбирала бумажки на улицах. Если Гжимек замечал грязное, пыльное стекло в квартире, сопровождавшие его гестаповцы бросали туда камни.

14 марта 1943 года очень способный инженер-конструктор Конторский, которого немцы заставили работать шофером в лагере СС при улице Чвартаков, не выдержав всех издевательств, выстрелом из револьвера убивает унтер-штурмфюрера СС Кайля. Ему удаётся благополучно бежать на немецкой машине. На следующий день в гетто состоялась «акция возмездия». Десять человек Гжимек повесил на балконах вдоль улицы Локетка, а 16 марта, выйдя к воротам, он собственноручно отобрал из числа идущих на работу полторы тысячи человек. Гжимек отправил их на «Пясковню», где и руководил их расстрелом.

23 марта первая смена рабочих ушла из гетто на фабрику Шварца. Те, что вернулись домой после бессонной ночи, попробовали уснуть. В это время вспыхнула новая, так называемая «шварцевская акция».

Гестапо окружает плотным кордоном дома, где живут работающие на фабрике Шварца. Гестаповцы стаскивают с кровати сонных детей и рабочих, которые только что вернулись домой. Более восьмисот матерей с детьми, а также малышей, матери которых где-то неподалёку перешивают окровавленные костюмы, гестаповцы загоняют во двор дома 49 по Пелтевной. Грудных детей они бросают в одно место — посреди двора.

Дети плачут.

Женщины должны сидеть на корточках. Встать нельзя: то и дело гестаповцы выпускают очереди из автоматов над их головами.

В 3 часа дня «акция» закончилась. Машины уехали на «Пясковню».

...В семь часов вечера, когда лёгкий сумрак спустился на узкие улицы Львова, к решётчатым воротам гетто подходят в шеренгах по-трие работницы фабрики Шварца. Через несколько минут страшный крик разносится по гетто. Матери застывают разбитые квартиры, не находят своих детей; они понимают: была «акция». Двое рабочих, живущих в доме 49 на Пелтевной, бросаются в отчаянии с третьего этажа на камни того самого двора, где ещё несколько часов назад кричали сваленные в кучу их дети. Третья несчастная кончает жизнь самоубийством, прыгнув с верхнего этажа в лестничный пролёт.

ПЕЛТЕВ ШУМИТ

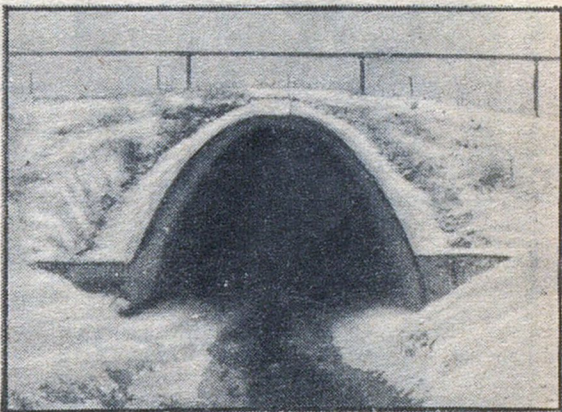
Игнатий Хигер в гетто научился многим ремёслам. Он был штукатуром и подметалой, столяром, монтером и прорабом. Он построил

не один десяток убежищ — «бункеров», — для того чтобы в них могли прятаться во время «акций» старики, женщины и дети. Но всякая новая «акция» и особенно назначение Гжимека комендантом лагеря подсказывали близость конца, приход такого дня, когда никакой «бункер» и ни один, даже самый благополучный «аусвейс» не спасут. Но Хигер хочет отвоевать у, казалось, неминуемой смерти жену и детей. Он верит, что наступит ещё снова жизнь без гетто, без «акций», без издевательств, та озарённая свободой и равноправием жизнь советского Львова, которая тянулась всего 22 месяца и была внезапно оборвана немецким вторжением.

Дом, в котором прячется Хигер со своей семьёй, стоит на Пелтевной улице. Названа так эта окраинная улица, выходящая на пригородные огороды, по имени маленькой, но быстрой речушки Пелтев, протекавшей в старину городом, открыто, а впоследствии загнанной под землю. Истоки Пелтев начинаются в южной, нагорной части Львова, на его живописной окраине Погулянка. Затем Пелтев попадает в железобетонную трубу и, закопанная в железобетон, протекает подо Львовом, под старинными его домами, театрами, рынками, монастырями, площадями, кривыми переулочками, принимая в своё русло всю сеть городской канализации. Пелтев вырывается наружу, в поля, за границами территории, названной немцами коротким и страшным словом «гетто».

Выходя по ночам из своей квартиры на улицы и прислушиваясь, не едут ли машины из гестапо на очередную «акцию», Игнатий Хигер слышит, как где-то глубоко под землёй шумит бурливая Пелтев.

Он вспомнил о ней через несколько дней после приезда Гжимека и сообразил, что лишь одна эта река может спасти его. От фасада дома до русла Пелтев не более четырёх метров (течение реки параллельно улице). Из «Зункера», устроенного в подвале, Хигер

Вот они, ворота в «подземный мир».

роет галерею к подземной реке. Он роет день, два, три, днём и ночью. Он использует для работы те считанные минуты, которые остаются ему на отдых. Он торопится закончить свою работу, пока не началась новая «акция». Воля к жизни, ненависть к убийцам помогают ему победить темноту и тревогу. Наконец лопата ударяет в каменную трубу. За ней Пелтев! За ней довольно широкий туннель, по дну которого, окаймлённая двумя узкими тротуарами, мчится к свету, к солнцу, ворчливая река. Хигер слышит её быстрый бег, кипение её воды. Но от туннеля его отделяют девять сантиметров железобетона. Ни ломом, ни киркой железобетон так просто не пробить. В отчаянии человек с натруженными руками, с мозолями, натёртыми до крови, подымается в своё жилище. По одному выражению лица мужа Пепы Хигер понимает, что дело плохо.

(Продолжение следует.)

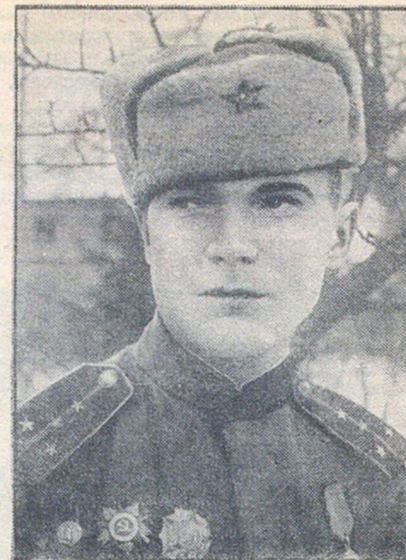
ДЕЛА И ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

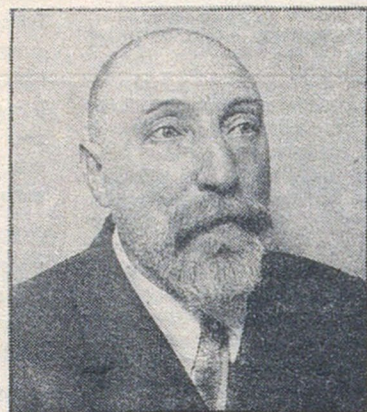
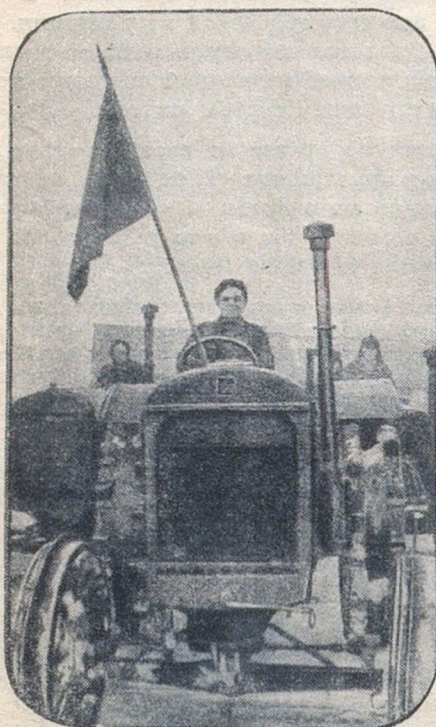
Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Руфина Гашева. За время войны штурман Гашева совершила 850 боевых вылетов и сбросила на врага более 170 тонн бомб.

Отважные танкисты, отличившиеся в боях при форсировании реки Одер: Герой Советского Союза гвардии капитан А. С. Данилов (слева) и гвардии старший техник-лейтенант И. А. Бычков.

Капитан М. Е. Михалёв командует кавалерийским эскадроном. Он со своими конниками одним из первых ворвался в немецкий город Нойштеттин в Померании.

Слева: академик Владимир Петрович Филатов. За выдающиеся заслуги в развитии советской медицины и успешное лечение раненых бойцов и офицеров Красной Армии академик Филатов, в связи с 70-летием со дня рождения, награжден орденом Отечественной войны I степени. Справа: лауреат Сталинской премии народная артистка СССР Евдокия Дмитриевна Турчанинова. За выдающиеся заслуги в области театрального искусства, в связи с 75-летием со дня рождения, награждена орденом Ленина.

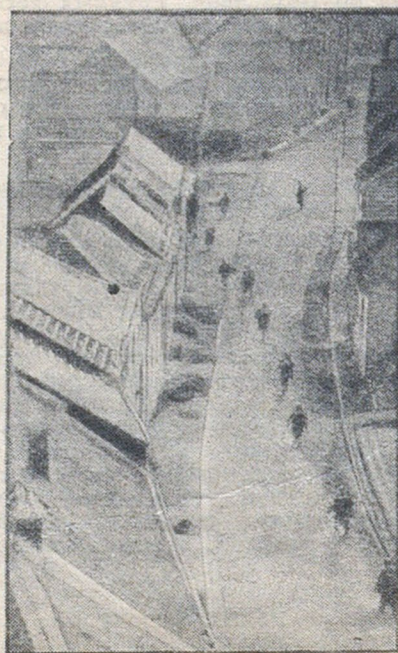
Совхоз имени Цюрупы, Уфимского района, Башкирской АССР, выполнил досрочно план ремонта тракторов и прицепного инвентаря при высоком качестве работ. На снимке: лучший механик ремонтной бригады Г. Г. Сотсков.

В Киеве вновь открылся Музей западноевропейской культуры, в котором представлены редчайшие работы по живописи, скульптуре и керамике. На снимке: в одном из залов музея.

ЗА РУБЕЖОМ

Английский рабочий Фрэнсис Миллер ушел добровольцем на фронт. Он изучил снайперское дело и уже уничтожил около 20 немцев.

Нехотицы 9-й американской армии прочесывают улицы немецкого города Альсдорф.

Американские солдаты в сопровождении танков преследуют отступающего противника.

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Л. Назимов

Рассказ

Рисунки Г. Балашова

Было это всего два года назад, а можно подумать, что уже прошли десятилетия, — столько событий прошумело над миром.

Господин Карл-Мария Рашке — хозяйственный руководитель, поставленный немцами в совхозе «Великан» на Кубани, — провёл всего три месяца в совхозе. Здесь он встретил новый, 1943 год и вскоре предпочёл покинуть благодатную кубанскую землю.

Речь, которую произнёс господин Рашке, прибыв в совхоз, была краткой, но внушительной:

— Эти фруктовые сады, которые расположены на пространстве в двадцать километров, есть отныне собственность господина Гуго-Бернгарда Фальцфейна. Вскоре он сам прибудет сюда и примет своё новое хозяйство, а пока надо работать. А кто не будет работать для господина Фальцфейна, тому будет не хорошо.

Действительно, всем, кроме немцев, стало нехорошо. Мёртвая тишина была в садах, где прежде за работой пели весёлые песни про тех, «кто с песней по жизни шагает...» А сады были знаменитые, росли здесь замечательных сортов яблоки и груши «Дюшес», «Кюре», — словом, те сорта, которыми славился «Великан» на Кубани и за Кубанью. Когда цвели эти сады, над розовым и белым цветом гудели золотые пчёлы, — четыреста пчелиных ульев украшали совхозные сады, — всё было опустошено, полуразрушено. Плодовые деревья, за которыми десятилетиями ухаживали садоводы, немецкие солдаты рубили на дрова. Но хозяйственный руководитель, объезжая сады, говорил:

— Это ничего. Солдат есть солдат. Немецкий солдат имеет право немного пошутить.

Постоянным собеседником Рашке избрал себе практиканта-агронома Ивана Васильевича Савченко, человека немолодого, положительного и вежливого.

К тому же Савченко был охотником, а господин Рашке любил поест и был неравнодушен к дичи. Савченко заботился о том, чтобы у хозяйственного руководителя были к обеду дикие утки, зайчатина, и Рашке даже выхлопотал Савченко особое разрешение охотиться за пределами совхоза.

И когда хозяйственный руководитель объезжал в шарабане поля, он брал с собой Савченко и, поглядывая на вырубленные яблони, говорил:

— Это ничего, ничего. Мы сделаем всё лучше, чем было прежде. Это хозяйство — не первый класс... В Померании господин Фальцфейн имеет имение «Грюнгартен». Это первый класс, чудо агрономии. Я был главный управляющий — шеф управляющий этого имения, я имел шесть золотые медали на выставке в Кенигсберге...

«Ну и подлюга!» — подумал кучер Степан Чубенко и всердцах хлестнул кобылу, которая и без того бежала бойкой рысцой.

— Вы имеете правильные мысли, господин Савченко. Вам будет хорошо. А другой, кто будет плохие мысли и плохо работать, получит кнут. А совсем плохой человек — партизан, как этот Николай Чумак, — полу-

чит верёвку. Зо ист ди гешихте. Такова история.

Рашке было очень скучно. Единственный равный ему по рангу собеседник — обер-лейтенант Мельцер — погиб от руки страшного партизана Чумака. Оставался один фельдфебель — компания для хозяйственного руководителя неподходящая. И потому он стал часто приглашать к себе Ивана Савченко.

— Пейте этот ром, — говорил он, — это настоящий ямайский ром, подарок моего сына, из Голландии. Германия имеет всё: лимоны из Мессина, ром из Ямайки, сигареты из Булгария, вино из Токая — Венгрия. Пейте... Но самое лучшее, что мы имеем, мы имеем из наш дорогой фатерланд, из Германии.

— Что именно? — вежливо осведомился Савченко.

— Гороховая колбаса.

И, раскрасневшись от ямайского рома и расстегнув ворот, господин Рашке торжественно произнёс:

— Я приглашаю вас в имение «Грюнгартен» на будущий год. Нет, не на будущий год, а через два года. Через два года Германия победит весь мир, и вы будете мой гость, дорогой гость.

— Спасибо, — сказал растроганный Савченко, — большая честь.

Но на этом кончились беседы за бутылкой рома и гороховой колбасой. Неделию спустя исчезли фельдфебель и охранная команда немцев, исчезли две роты и бронемшины, стоявшие в районном центре, исчез и сам хозяйственный руководитель Карл-Мария Рашке — точно всех их сдуло весенним ветром. По шоссе, к морю, набирая скорость, пронеслись вдогонку за ними наши танки и автоматчики на броне.

И стал оживать совхоз «Великан», точно великан из сказки, спрыснутый живой водой. Люди работали радостно и живо, и опять звенела песня про «катюшу»... Вспоминали чёрным словом Карла-Марию Рашке; одни говорили, будто он попался партизанам, другие говорили, что сбежал. Одно было известно в точности: Ивана Савченко, агронома-практиканта, никто не видел больше в совхозе с той ночи, когда началось наступление Красной Армии.

* * *

По асфальтированному широкому шоссе в Померании мимо регулировщицы пролетел как вихрь «виллис» и вдруг затормозил и остановился там, где на столбе была стрелка с русской надписью: «На Берлин». Рядом с водителем сидел черноусый подполковник. На коленях у подполковника лежала развёрнутая карта.

— Это вправо, — сказал подполковник водителю, — километров двенадцать. — И, повернувшись к попутчику, капитану медицинской службы, продолжал: — Есть у меня такая идея — захватить в одно местечко поблизости.

И «виллис» свернул вправо и, немного проехав расчищенным, редким леском, выехал на равнину. Здесь открывались несколько

ко одноэтажных, крытых черепицей казарменных зданий и похожий на тюрьму большой господский дом с белым флагом на флагштоке.

— По-моему, здесь, — сказал подполковник, и они въехали в открытые ворота, подъехали к господскому дому и вышли из «виллиса».

Двери им открыла пожилая немка с большим белым бантом на груди; увидела их, присела от изумления.

— Господин Рашке здесь? Я желаю видеть господина Рашке, — сказал подполковник.

— О, господин офицер, господин Рашке здесь. Господин Рашке — только управляющий, управляющий — и только, он не владелец «Грюнгартена», только управляющий, служащий человек, господин Рашке...

Послышалась возня во внутренних комнатах, и на пороге появился человек с подвязанной щекой, в потёртых замшевых штанах.

— Господин Рашке? — небрежно сказал подполковник. — Добрый день, господин Рашке. Что же так холодно встречаете гостя, дорогого гостя?

— Боже мой, — простонал Рашке, — боже мой, унмёглих — невозможно, унмёглих!..

— Почему же невозможно? Помните, вы приглашали меня в «Грюнгартен» в гости через два года: я всегда аккуратен, когда меня зовут в гости...

— Унмёглих... господин Савченко?

— Он самый. Только, если вам не всё равно, называйте меня Николай Чумак... Так будет вернее, поскольку я на действительной службе... Ну-с, принимайте гостя! Кстати, я вам очень благодарен за разреше-

Господин Рашке потянулся и опустился в кресло.

ние охотиться. В те времена на Кубани оно очень мне помогало.

Господин Рашке потянулся и опустился в кресло. Лицо его странно перекошилось, и повязка свалилась с лица.

Военный врач наклонился над Карлом-Марией Рашке.

— Удар, — сказал он, — апоплексия... Всё-таки слишком сильное переживание.

— Ну, всё, — поглядев на часы, сказал подполковник. — Можно ехать. Надо быть аккуратным, когда тебя зовут в гости. Аккуратность, как говорится, — вежливость королей. Прощайте, господин Рашке.

И они вышли, не обращая внимания на приседавшую перед ними немку.

Кадр из фильма «Поединок». Инженер Леонтьев — артист А. Тутышкин, немецкий разведчик Вейнинггер-Петронеску — заслуженный артист РСФСР В. Белокуров.

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ФИЛЬМ

...Советский инженер Леонтьев сконструировал артиллерийское орудие «Л-9», снаряды которого обладают огромной разрушительной силой. Фашистская Германия чрезвычайно встревожена этим новым оружием. Гестапо получает задание похитить изобретателя и живым доставить в Берлин.

...Скромная, благообразная старушка, именующая себя женой профессора Зубова, оказывается крупной немецкой шпионкой Амальной Карлсон, орунующей в России ещё с первой мировой войны, 1914—1918 годов. «Товарищ Петров», глава «делегации», прибывшей на фронт, — не кто иной, как

матёрый фашистский диверсант Вейнинггер. А его «делегация» — ученики шпионской школы гестапо, набранные из подонков общества во временно оккупированном советском районе, — бывший царский охранник, дезертир, проститутка. Шаг за шагом, вдумчиво и пылливо распуывают наши разведчики весь этот клубок шпионажа и измен. Офицеры Государственной безопасности готовы на любое самопожертвование во имя родины; рискуя жизнью, они охраняют инженера Леонтьева и дают ему возможность спокойно продолжать изобретательскую работу.

Таков сюжет нового кинодетектива «Поединок» (сценарий братьев Тур и Л. Шейнина).

Режиссёр В. Легошин мог бы действовать смелее: дольше держать зрителей в неведении, позже разъяснить тот или иной неожиданный фабульный поворот. Отчасти это является результатом того, что наша кинематография слабо развивает приключенческий жанр. Тем ценнее, что, выступив с кинодетективом, В. Легошин и оператор С. Урусевский и в монтаже, и в построении кадров, и в ракурсах съёмки всё же достигли положительных результатов.

Будем надеяться, что за «Поединком» последуют новые кинодетективы и приключенческий жанр займёт своё место в советском кинорепертуаре.

Олег Леонидов.

ПОЭМА О ДУШЕ НАРОДА

Белорусский поэт Петрусь Бровка возвратился на родную освобождённую, разорённую немецкими захватчиками землю. Он взволнован — и горечью того, что увидел, и радостью встречи с полями и лесами, с родной хатой и всем селом.

Петрусь Бровка.

Петрусь Бровка высказывает свои чувства в поэме «Ясный Кут», в стихах, напряжённых и полных жизни. Сюжет поэмы несложен. Вернулся с войны боец, «пылью дальних дорог пропылён», а на месте села руины. Он одинок, тоскливо зовёт мать, сына. Печальным рефреном звучат концовки некоторых строф: «Где ты, сын мой, сынок Василёк?»

Появляется старик. У него подпаском был герой поэмы. Дед Лукаш говорит:

«Мы с тобой одиноки, земляк.
Но встряхнись, оглянись без тоски:
У тебя не хватает руки,
Так прибавь две мои: —
Будет три на двоих...»

Вдвоём они организуют людей, поднимают их к жизни: первый светлый дом поднимается на месте недавнего пожара. Возрождается колхоз «Ясный Кут».

Не все колхозники дома, но они вернутся — кто с поля боя, кто из немецкой неволи.

«Жить!» — шумит им зелёный простор,
«Жить!» — как эхо отвечает бор...

Поэма написана сжато, скупое. Однако в ней сказано главное, и его воспринимаешь с волнением. В её образах видишь живую душу и силу народа, которую не мог подавить враг.

В книжечку стихов П. Бровки «Беларусь», изданную «Советским писателем», включены некоторые фронтовые стихи поэта. Эти стихи полны неугасимой любовью к родине, стремления к ней и веры в её освобождение. Это освобождение пришло, и с ним пришло возрождение, первые картины которого мы читаем в поэме «Ясный Кут», завершающей книгу.

А. Деев

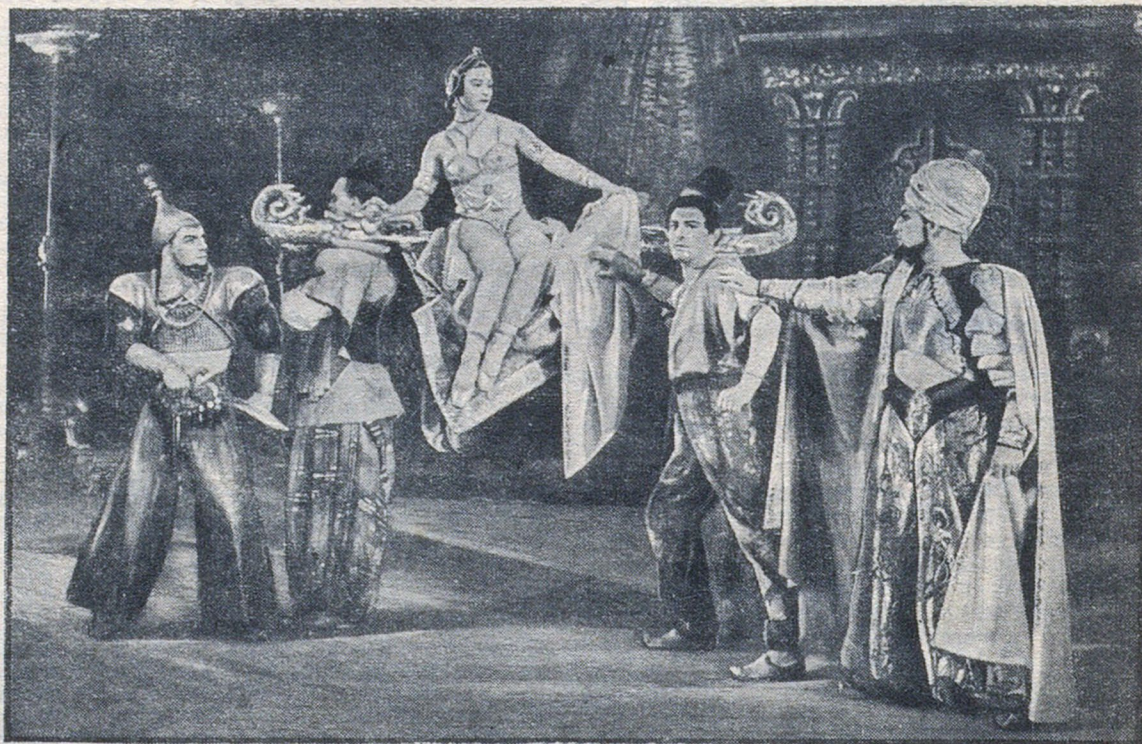
«ШЕХЕРАЗАДА» НА СЦЕНЕ

Недавно балетная труппа театра имени К. Станиславского и В. Немировича-Данченко показала спектакль «Шехеразада». Это хореографическая фантазия к музыке симфонической сюиты Римского-Корсакова того же названия (либретто Н. Волкова).

В своей книге «Летопись моей музыкальной жизни» композитор называет её восточным повествованием «о каких-то многочисленных и разнообразных сказочных чудесах», какие Шехеразада рассказывала в течение тысячи и одной ночи шаху Шахрияру.

В «Шехеразде» большое место занимает тема моря, поэтому центральным героем композиции сделан Синдбад-мореход. Балет начинается и заканчивается сценой, в которой Синдбад, потерпевший кораблекрушение, одиноко плывёт на мачте среди разъярённых морских волн. Бессильный и изнемогающий от борьбы с морской стихией, он видит вдали волшебный остров. Его воображению представляется, что он выброшен волнами на берег, где встречает восточную царевну Гюльнару. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Эта любовь приводит в ярость влюблённого в царевну визири. Он приказывает умертвить Гюльнару...

Заслуженная артистка М. Сорокина сочетает большую сценическую выразительность с чистотой и ясностью классического танца. Артист А. Клейн (Синдбад) мужественен и пластичен.

Сцена из балета «Шехеразада».

Фото А. Глазштейна и В. Пульвера

Художник спектакля Б. Волков с исключительной изобретательностью оформил эту хореографическую фантазию.

Большого успеха достиг оркестр театра (дирижёр народный артист СССР С. Самосуд) в исполнении блестящей сюиты Римского-Корсакова.

Этот интересный опыт балетной инсценировки симфонической музыки «Шехеразды» достойно завершает цикл постановок, которыми театр отметил столетие со дня рождения Н. Римского-Корсакова.

Мих. Долгополов

ПАЛИТРА И КРОВЬ

Пётр Никитин

Легко отнеслись к этому человеку в нашей роте. Прямо, можно сказать, не поняли с первого раза. Явился он к нам из госпиталя, с солдатским медком за плечами, в котором вместе с нехитрым походным хозяйством хранились, как мы узнали впоследствии, и кисти, и краски, и маленькая палитра для рисования. Пришёл он к нам в разгар боя. Лейтенант был на передовой. Встретил его старшина Игнат Колодуб. Строгий и требовательный. Кузнец по профессии, воин по характеру. Прищурил глаза Колодуб, осмотрел худого и тощего солдата. Выцветшая гимнастёрка широкими складками лежала на костлявых плечах, шаровары нависли над икрами, которые были туго стянуты обмотками. Даже поясной ремень и то как-то сидел не по-военному. Старшина спросил:

— Фамилия, имя, отчество?
— Великанов, Пётр Васильевич.
— Профессия?
— Автоматчик.
— Не о том спрашиваю, — старшина крикнул и переспросил: — В тылу на каком деле были?

Великанов поднял глаза на старшину и встретился с ним взглядом. Глаза большие, голубые и глубокие. Никогда Колодуб не видел таких, по-детски широко открытых глаз. Ему стало не по себе, и он уже тише спрашивал. Великанов отвечал:

— В санаториях работал культурником. На Черноморье.

— Знакомая профессия, чорт её возьми. Раз с притопом, три с прихлопом.

Вдруг в глазах Колодуба появилась мягкость, в голосе — нежность.

— Это спирт? — и он легонько тронул термос, висевший через плечо Великанова.

Тот улыбнулся:

— Нет, краска. Для лозунгов. Я же немного художник.

— А-а-а! — протянул старшина. В голосе равнодушие. И вдруг опять грозно: — Шинель где?

— Под Севастополем. Миной разнесло.

— Миной, миной... Одевай тут вас... Я же не «Москвошвей».

Так началась в роте жизнь этого скромного человека с большими, по-детски открытыми глазами. Ходил он в атаку, ползал в разведки, штурмовал огневые точки и как-то легко нёс тяготы солдатской жизни. Одно вы-

деляло его среди других. Он никогда не расставался с красками, кистью, палитрой. Идёт в атаку, а кисть рядом с гранатой, на поясе. Выбьем немца из населённого пункта и оглянувшись не успеем, как на самых видных местах призывы написаны: «Смерть немецким оккупантам!» Либо: «Вперёд, орлы, вперёд, русские воины!» А то сидит после боя и чертит у себя в тетрадке: танк немецкий срисовывает либо поле, на котором бой только что отгремел...

В мирной жизни Великанов застенчивый, тихий и робкий, а в бою не узнать: и рост как будто выше, плечи шире, голос громче, действует уверенно и смело. При виде немца меняется человек. Не живёт, а горит. На выдумки хитёр: то преогромный кукиш ночью на стене дома, обращённой к немецким окопам, нарисует с обидной подписью либо Гитлера изображает в такой позе, что немцы огнём сумасшедший открывают. А он ляжет в сторонку и считает, сколько впустую снарядов и мин враг затратит. Вот такой он был человек. Из полка приходили, хвалили: у вас, говорят, хорошо поставлена немая агитация. Старшина Колодуб и тот помячал, как железо в горне.

— Недостатков у тебя порядочно, — говорит однажды он Великанову. — Фигурой неказист, ростом мелковат, водку не пьёшь, не куришь, и профессия твоя не солдатская — культурник! Но воевать мастер. Смелый. Честь роты хранишь. На, возьми! — и отдаёт ему Колодуб шинель. Себе шил, тесна...

Лежим однажды вечером, я рассказываю, кто и как воюет. Разговорился о ненависти к врагу. Великанов и высказывается:

— К ненависти каждого ведут свои пути. Один через гибель дочери либо сына видит горе всей страны, другой насмотрелся в лагерях и застенках такого, что до смерти спокойно о нем не слышать не в силах. А я и при немцах жил тихо. Только из больницы вышел: болел тифом, — а в наш город немец вступил. Поселили ко мне офицера. В комнате, где он жил, висел портрет моего любимого ху-

дожника Репина. Подарок отца. С этого портрета и началось всё. Собрались у офицера друзья, напились и стали стрелять в портрет из пистолетов. Утром я ему и говорю: «Это великий русский художник. Стыдно». Немец нехорошо улыбнулся, что-то сказал денщику и ушёл. Солдат снял портрет и повесил в уборную. Там и висел. Как в душу плюнули мне. Загляни он тогда в моё сердце, на месте меня бы пристрелил. Ненависть мне сушит душу, леденит кровь. Тем и спасаюсь, что немцев бью.

Вскоре наша рота попала в историю. Заскочили мы в населённый пункт. Выбили немца, а сами не успели укрепиться. Он нас и выставил оттуда. Залегли вблизи хутора. Немец рядом, даже можно различить призыв, который успел написать Великанов на крайней хате: «Вперёд, на запад, чудо-богатыри!» Отошли, и звучит этот призыв обидой. А тут старшина ходит злой промеж бойцов и тихо так издевается: «Надо на запад, дети мои, а вы перепутали: на восток...»

Медленно в тот день спускалось солнце к горизонту. Немцы накапливались у крайних домиков. Всем понятно: либо ночью атакуют либо на рассвете. Наш лейтенант принял правильное решение. Стали мы под покровом ночной темноты возводить ложные огневые точки. Великанов на деревянных щитах рисовал пулемёты и пушки. Отойдёшь шагов на двести, и щит, зарытый в землю, кажется амбразурой. Решил лейтенант оставить у этих щитов три пулемёта и десять бойцов, остальным в обход лесом, чтобы ударить в тыл. Выстроил лейтенант людей. Прикажет — все пойдут. Но на такое дело особый отбор нужен. Мало умереть — надо победить.

— Ну, кто у пулемётов останется? — спрашивает командир. — Кто от врага весь огонь на себя примет, в ком душа не дрогнет и сердце жарче свинца и твёрже стали?

Первым отзывается Великанов. А с ним ещё десять человек вышло. Они и остались у пулемётов.

Ночью и на рассвете атаки не было. Немцы начали её часов в десять. В это время наши бойцы лежали в траве с другой стороны хутора. Они поодиночке накапливались в огородах и ждали сигнала. Вдруг там, где остался Великанов, застрочил пулемёт. Затем второй, третий. Немцы пошли в атаку. Идёт бой. Но лейтенант ждёт. А когда загрохотали немецкие танки, мы ударили в тыл. Всё смешалось. Через полчаса хутор был очищен. Из десяти человек, оставленных у пулемётов, пришли с докладом к лейтенанту пять. Нет и Великанова. Приказал лейтенант его найти. Кто говорит, что он убит, кто видел, как он раненый отбивался от немцев. Ищут. Смотрят: в стороне, на опушке леса, в развалинах сарая, на камне сидит с кистью в руках наш художник. Сидит и рисует. Перед ним здоровенный немец стоит с поднятыми вверх руками. Подошли. Лейтенант обнял Великанова.

— Опять возишься, — упрекнул командир. Великанов улыбнулся:

— Нет, вы гляньте, такого типа во всех тюрьмах Европы не найти! Что за лоб, а взгляд, а кисти рук, которые касаются колен...

Вдруг Великанов схватился за грудь, охнул и тихо осел на землю. Из леса прозвучал выстрел. Второй раз выстрелить немецкий снайпер не успел. Его опередил старшина Колодуб. И немец, цепляясь за ветки, кулём свалился наземь.

— Сохраните... Оружие моё... — прошептал Великанов, выпуская палитру и кисть из ослабевших рук. Его, как малое дитя, отнёс на руках к санитарной повозке старшина Колодуб. И солдаты видели, как старый воин ронял слёзы.

— Вот оно, его оружие, — и рассказчик показал мне на стоявший в углу автомат. На нём висела палитра с засохшими красками и кисти.

Я взял палитру в руки. В центре темнело пятно. Это была засохшая кровь её хозяина.

Тихо и душно. Я вышел на воздух. Полярную звезду закрыло облачко. Нет, это не тучка, а облако дыма и гари восного пожара. Где-то призывно крикнула сова. Но это была не птица, а разведчик, посланный к немцам в тыл. Небо полыхало зарницами. Но это были не зарницы сухой летней ночи, а отблески зенитного огня по немецким бомбардировщикам.

Радушно встречает население чехословацких городов и сёл воинов Красной Армии. На снимке: крестьяне села Гнуште беседуют с советскими бойцами. Фото Я. Паволоцкого (ТАСС)

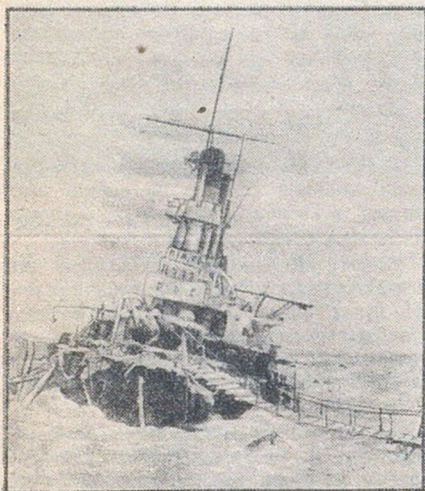

ПЕРВЫЙ В МИРЕ „SOS“

П. Н. Рыбкин

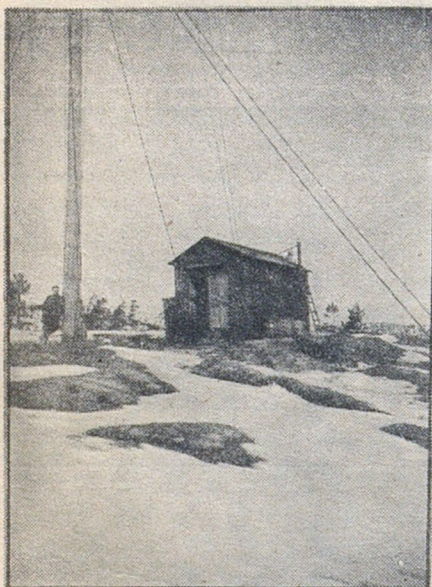
Из личных воспоминаний

Первое практическое применение радиотелеграфа имело место в январе 1900 года. Поздней осенью 1899 года броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» сел на камни у острова Гогланд. Для успешной работы по спасению корабля надо было связать остров Гогланд с материком, и эта работа была поручена А. С. Попову и мне.

Броненосец «Генерал-адмирал Апраксин» во льду у острова Гогланд. 1900 год.

20 декабря 1899 года были высланы две партии. В одну входили капитан И. И. Залевский, П. Н. Рыбкин, минный квартирмейстер Славков и телеграфисты С. Савик и Ф. Кулаков, которым поручалось оборудование радиостанции на Гогланде. Вторая партия отправлялась в город Котку, на финляндский берег. В неё входили А. С. Попов, лейтенант А. А. Реммерт, капитан Д. С. Троицкий и телеграфисты Кронштадтского порта Безденежных, Кикит, Макаров, Петров, Соколов и Штафетов.

Гогландская радиостанция. 1900 год.

Ещё перед отъездом Александр Степанович разработал как бы инструкцию для наших радиостанций, которая сохранилась у меня до сего времени.

На финском побережье станция беспроволочного телеграфа была уста-

новлена довольно быстро. Её оборудовали в домике службы связи Балт-флота на острове Кутсало, вблизи города Котка. Труднее пришлось нам на Гогланде. Здесь, вблизи «Апраксина», никакого жилья не было и радиостанцию пришлось устраивать на голом утёсе, в версте к северу от броненосца. Прежде чем приступить к строительству станции на Гогланде, надо было доставить на утёс массу строительного материала, привезённого на «Ермаке» из Ревеля.

Выбранный нами утёс, возвышаясь на 82 фута над уровнем моря, выступает значительно дальше других мысов, и вершина его представляет ровную площадку, как раз достаточную, чтобы установить на ней телеграфную мачту и домик.

Самое большое затруднение встретилось при доставке на место всего привезённого материала. В самом деле, протаскивать по узкой лесной тропинке длинные грузные брёвна, казалось, не было никакой возможности; доставлять же их непосредственно по льду было также нелегко из-за того, что лёд у берегов острова нагромождён торосами, достигавшими двухсаженной высоты, а обращённый к морю склон утёса оказался сильно обледеневшим. Тем не менее пришлось избрать этот единственный путь.

Первой поволокли мачту—бревно в 60 футов длиной и весом больше 100 пудов. Тащили всеми наличными силами: тут были и матросы, и портовые мастера с «Апраксина», и островитяне. Волокли с большим трудом по глубокому снегу, расчищая дорогу через торосы ломом и лопатами, поминутно останавливаясь и затачивая «Дубинушку».

Стало уже темнеть, когда мы, наконец, подошли к утёсу. Казалось, что до нашей цели рукой подать, но тут и было главное препятствие: огромный торос с одной стороны и обрывистый берег—с другой образовали глубокую впадину, которую никак нельзя было обойти. Люди остановились в недоумении: что делать? Но размышлять было нечего: всё равно ничего не придумаешь, а мачту втащить надо.

На следующий день по проторенной уже дороге доставка грузов пошла легче и можно было приступить за подготовительные работы по установке мачты.

В следующие три дня погода стояла прекрасная: при умеренном морозе было тихо,—и работа у нас кипела в полном смысле слова. Телеграфный утёс представлял собой настоящий муравейник. Там одновременно двигали домик для станции, составляли стрелы для подъёма мачты, рвали динамитом углубление в скале для её основания и сверлили в граните дыры для обухов. На работу выходили с рассветом и кончали её в лучах прожектора, направленного с «Ермака» на нашу горку, делая лишь один полчасовой перерыв, чтобы закусить и обогреться у костра.

К полудню 23 января (5 февраля) на утёсе уже красовалась телеграфная мачта в 165 футов вышиною, совершенно вооружённая и укрепленная от любых бурь и непогод. Пospel и домик—настоящий жилой дом в две комнаты, с двойными оконными рамами, хорошей печью, проконопаченный и

весь оббитый толем снаружи и папкой внутри. В тот же день на станцию доставили приборы и аккумуляторы. Разместив всё по местам, мы привели станцию в полную готовность.

Однако начать работу на радиостанции удалось не сразу. Капитан 2-го ранга И. И. Залевский дал мне указание открыть радиосвязь только 24 января (6 февраля), в день именин великой княжны Ксении Александровны, сестры царя, которая являлась «августейшим шефом» броненосца «Генерал-адмирал Апраксин».

Было составлено специальное поздравление великой княжне от офицеров броненосца, и это поздравление я должен был отправить как первую радиограмму.

Но вот наступило и 24 января (6 февраля). Я уже собрался вызвать радиостанцию Котки, как в наушниках неожиданно услышал встречную телеграмму. Это передавал сам Попов. Тогда я сосредоточился и тщательно стал записывать:

«24 января 1900 года 2 часа 15 минут дня. Командиру «Ермака». Около Лавенсари оторвало льдину с рыбаками. Окажите помощь. Авелан».

Нет слов передать моё изумление! Первая радиограмма—сигнал бедствия, призыв о помощи.

Забыв о стуже, я рванулся к двери и без пальто выбежал из домика. На дворе стояли рабочие и матросы. Рас-теревшись, я обратился прямо к ним: — Друзья! Несчастье! Оторвало льдину с рыбаками. Они ждут помощи «Ермака». Я принял об этом депешу... В этот момент подошел Залевский. Я подал ему бумагу и сказал: — Вот принята первая депеша!

Залевский, внимательно прочитав депешу, передал её для исполнения командиру «Ермака», и корабль, раска-

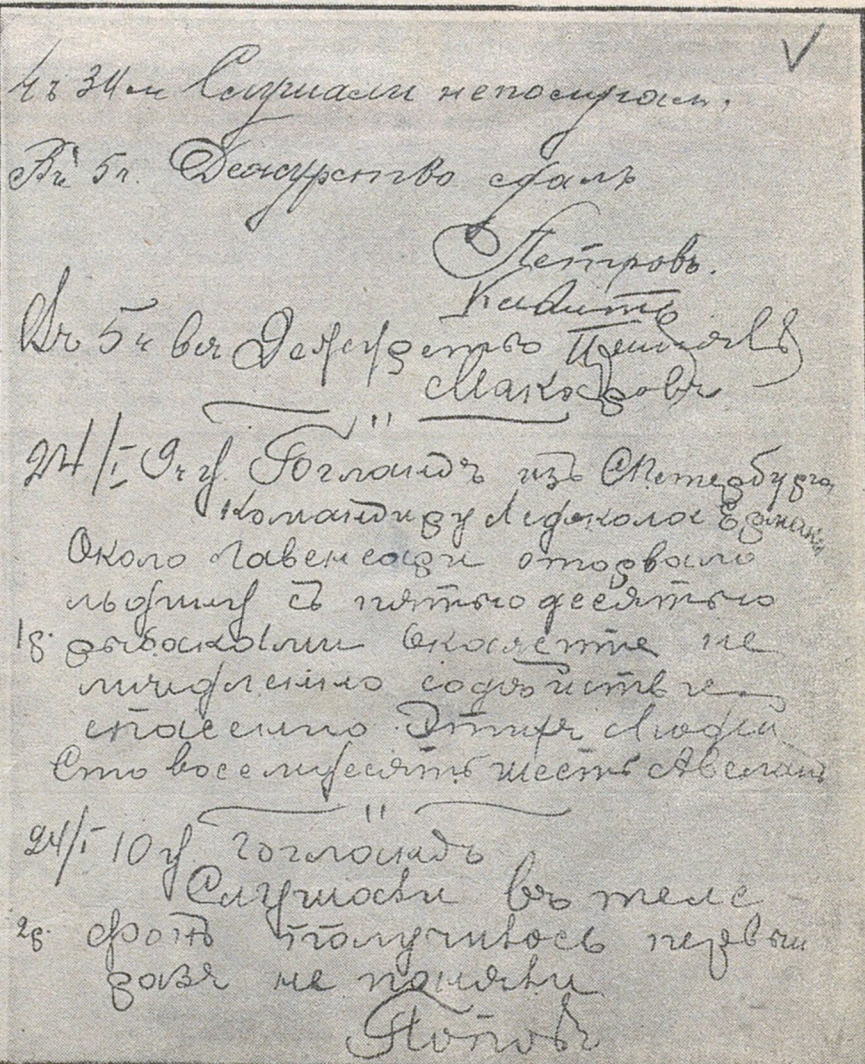

Пётр Николаевич Рыбкин — ближайший помощник и друг А. С. Попова.

лавая огромную толщу льда, вышел для спасения людей.

В тот же день А. С. Попов известил командира Главного кронштадтского порта адмирала С. О. Макарова об успешной работе радиотелеграфа. В ответ Макаров прислал поздравительную телеграмму, в которой писал: «От имени всех кронштадтских моряков сердечно приветствую вас с блестящим успехом вашего изобретения. Открытие беспроволочного телеграфного сообщения от Кутсало до Гогланда, на расстоянии 43 вёрст, есть крупнейшая научная победа».

Так начала свою работу первая в России линия практической радиосвя-

Страница из вахтенного журнала первой практической радиоустановки. 1900 год.

Публикуется впервые.

АДСКИЙ Гость

Фёдор Кандыба

Рассказ

Рисунки Г. Валька

Муж Марины Ковач старик Стефан умер незадолго до войны. После смерти мужа Марина продала дом и переехала жить к золовке Юлии, к такой же тихой женщине, как она сама. Родственники разводили огород, держали козу и вдвоём молились за упокой души грешника Стефана: старик был отличным сапожником, но любил выпить и сквернословить.

Пожар войны, охвативший маленькое польское местечко, поначалу обошёл тихую жизнь старухек. С немцами им приходилось сталкиваться главным образом в лице старшего полицейского — пана Зяблера. Его они знали давно. Раньше он назывался паном Зябликом, был продавцом в универсальном магазине «Комета» и лихим танцором, за что и получал призы на маскарадах.

Теперь он сделался важным начальством, но к старухам всё же заглядывал. Он наведывался, когда пану коменданту или начальнику полиции нужны были какие-нибудь домашние вещи: уносил то стекло для лампы, то кофейник, то коврик.

Явившись однажды за сапожной щёткой, пан Зяблик сказал, что у пана коменданта развелись мыши, и унёс отчаянно мяукавшую кошку Розу. Потом пришёл проверять документы и заявил, что золовке Юлии не пятьдесят лет, а всего тридцать и ей придётся идти на работу в усадьбу немецкого пана.

Так Марина осталась в опустевшем доме одна. Единственным утешением было, что кошка Роза сбежала от коменданта и вернулась домой...

И вот однажды с северо-запада донеслась далёкая пушечная пальба. Среди немцев, не ожидавших опасности со стороны Германии, поднялась паника. Пан комендант убежал, забыв мундир; его помощника видели в женской лисьей шубе.

Марина, выйдя утром на крыльцо, глазам не поверила, увидев в соседнем дворе дымящуюся зелёную походную кухню и русского повара, накладывавшего гречневую кашу в котелки красноармейцам. Марина зажмурилась, перекрестилась и снова глянула через забор. Всё было на месте: и кухня, и повар в белом фартуке, и смеющиеся красноармейцы.

Марина набрала в погребе солёных огурцов и помидоров и направилась к новым соседям.

— Вот гостинец принесла, не побрезгайте, — протянула она повару таз с соленьем. — Если надо постирать или картошку почистить, — я когда угодно, пожалуйста. Мой дом — вот он, за забором, приходите...

Повар-украинец понял её польскую речь и ответил по-украински, что очень благодарен за огурцы и помидоры.

На следующий день Марина пошла в костёл: говорили, что ксендз вернулся из леса, где был с партизанами. Марина всласть помолилась за упокой души грешника Стефана и о возвращении домой рабы божьей Юлии.

Дома было чисто прибрано, всё было готово к возвращению золовки.

Вечером, когда Марина собиралась спать, в передней послышался шорох и затем стук в дверь.

— Юлия! — обрадовалась Марина и бросилась к двери.

Дверь открылась, но вместо Юлии в комнате появился чорт. Высокий, с небольшими рожками, покрытый шерстью, он держал свой хвост перекинутым через руку, словно плащ. Это был самый настоящий чорт, недаром кошка Роза вдруг сделала невиданный прыжок и с громким мяуканьем скрылась за печкой.

— Тьфу, тьфу, сгинь, нечистая сила! — оторопела Марина.

— Нет, не сгину, — сказал чорт скучным голосом. — Я к тебе по делу. Садись, поговорим.

— Да ты в своём уме, пан чорт? — взмолилась Марина. — Я все посты блюду; пока здесь немцы были, ни разу мясного не ела, какие же у меня дела с чертями? Ты меня, наверное, перепутал с кем-нибудь!

— Сейчас проверим, — деловито отозвался чорт и, заглянув в бумажку, спросил официальным тоном:

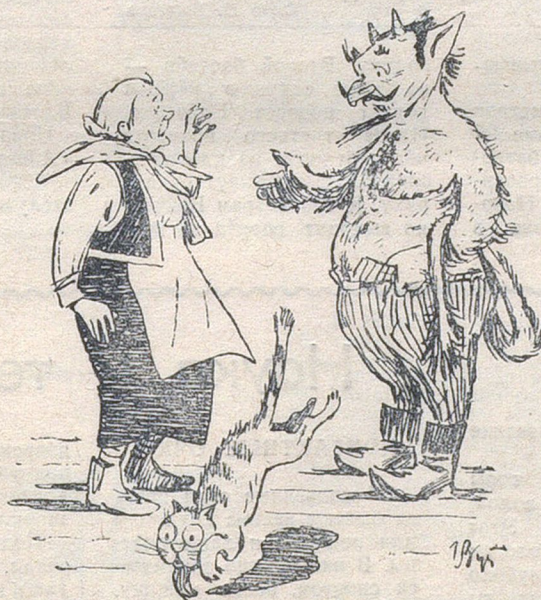
— Супруга Стефана Ковача, сапожника? — Его вдова... отпусти душу на покаяние. Вот беда, немцев выгнали, так сам чорт ко мне пожаловал...

Чорт, играя метёлкой хвоста, продолжал:

— Так вот я прислан к тебе из ада. Твой старик, Стефан, привет передаёт. Он у нас недавно переведён из чистилища. Сейчас раскалённые сковородки лижет, а с понедельника положим его на двести лет вариться в кипящую смолу. Впрочем, старику ещё можно помочь. Если внесёшь хороший выкуп за его душу, — мы приспособим старика по сапожному делу: будет тачать железные сапоги для грешников. А затем переведём обратно в чистилище, а там, гляди, и в рай попадёт.

— Какой же тебе выкуп нужен, пан чорт? — перевела дух Марина.

— Половину денег за дом и полный комплект стариковой одежды: шубу, сапоги, шапку и всё прочее. И не скупись. Старик сказал: «Передай

— Тьфу, тьфу, сгинь, нечистая сила! — оторопела Марина.

супруге, что прожляну её, если буду кипеть в смоле, и стану являться к ней по ночам и кричать страшным голосом». Плати деньги и давай вещи!

Денег у Марины при себе не оказалось. То, что оставалось, было законано от немцев в огороде на похороны. Сейчас, в потёмках, Марина найти это место не могла. Узнав об этом, чорт искренно огорчился.

— Ну, ладно, прилечу завтра в это время, только, чтобы деньги и вещи были готовы. И никому ни слова, а то и тебя с собой в ад утащу, — пригрозил он на прощанье и, махнув хвостом, скрылся за дверью.

Марина не спала всю ночь. А наутро пошла к бывшей заказчице мужа акушерке Косачевской, славившейся ловкостью в сомнительных и трудных делах.

— Раз такое дело, — надо подчиниться. На чертей на земле управы нет, — рассудила акушерка, узнав под страшным секретом о происшествии.

Вернувшись домой, Марина пошла откапывать деньги. Но мёрзлая земля не поддавалась лопате. Начинало смеркаться, а дело не подвигалось.

— Над чем вы это трудитесь, мамаша? Может, вам помочь? — перемахнул через ограду и подошёл к Марине повар, удивлённый тем, что она начала копать огород среди зимы.

— Тут у меня одна вещь спрятана. Надо достать, чтобы спасти человека. А лопата не берёт...

— Какого человека спасти? — спросил повар с таким участием, что Марина не выдержала и рассказала ему всё.

— Да, дело серьёзное, — покачал головой повар, выслушав рассказ Марины. — Не огорчайтесь, мамаша, бросайте эти раскопки, а я пойду достану денег и через часок приду к вам. Всё будет в порядке.

Через час повар пришёл с солдатом польской армии из местных партизан. Повар объяснил, что они с солдатом люди молодые, чертей видеть им ещё не приходилось и очень интересно повидать адского гостя. Но Марина испугалась, что они поднимут стрельбу, и показывать им чорта наотрез отказалась.

Тогда повар протянул Марине пакетик с деньгами и сказал:

— Вот вам деньги, мамаша. Отдайте их вашему чорту, если он придёт, но только мне кажется, что они не понадобятся, потому что вся эта история вам просто приснилась.

— Как это так приснилась? — обиделась Марина. — Померещилась и только, — отозвался польский солдат. — Идём, Данила, мне в комендатуру пора, незачем время терять.

— Нет уж, подождите, — решительно стала у двери Марина. — Раз так, я вам докажу. Становись сюда, — указала она за шкаф повару. — А ты — сюда, под шубы...

Чорт явился ровно в девять часов. Он был такой же, как вчера, — в шерсти, с хвостом и рожками, и при виде его кошка Роза снова заметалась по комнате и с урчанием забилась под кровать.

— Ну, деньги и вещи приготовила? — деловито спросил он.

— Как же, пан чорт, как же. Всё готово. Садись, пиши расписку, что получил выкуп за душу Стефана Ковача, — ответила старуха.

— Это что за фокусы? — нахмурился чорт. — Лучше скажи: какие-нибудь документы твоего старика остались? Давай их сюда. Они тоже в чистилище понадобятся.

Для чего документы нужны в чистилище, чорт объяснить не успел, так как с визгом забился в руках схватившего его сзади повара. Чорт пытался вырваться и норовил высочиться в окно, но, увидев польского солдата с автоматом, ослабел и, жалобно крикнув, замолк.

— Пан Сигизмунд Зяблик! — в изумлении всплеснула руками Марина, узнав побледневшее лицо старшего полицейского, показавшееся из-под маски.

— Приятная встреча, пан Зяблик, — сказал польский солдат, держа в руках маску. — День вам добрый. Хороший у вас этот адский костюм, не даром за него премию дали на маскараде. Но, чтобы начать новую жизнь под именем умершего Стефана Ковача, этого костюма недостаточно.

— Это акушерка Косачевская придумала, — растерянно сказал чорт.

— А, акушерка Косачевская? Что же, сейчас сможете поблагодарить её лично в комендатуре. Она тоже у нас вместе с начальником полиции, — сказал солдат и стал подталкивать чорта к двери.

— А хвост, хвост его забыли, — подняла с пола Марина оторвавшийся во время свалки чёрный хвост с рыжей метёлкой на конце.

— Это себе, мамаша, на память сохраните, — сказал повар. — Был чорт и кончился, один хвост остался. Спокойной ночи!

Этот длинный чёрный хвост с рыжей метёлкой хранится у Марины Ковач в диване, на котором она сидит с вернувшейся золовкой Юлией и кошкой Розой и вспоминает о незадачливом немецком чорте и весёлом русском поваре.

Конец

СПОРТ

ПОЕДИНКИ В БАССЕЙНЕ

Десять лет прошло с того дня, когда в бассейне № 1 Пролетарского района Москвы 23-летний моряк-черноморец Семён Бойченко установил свой первый мировой рекорд на дистанцию 100 метров брассом. С 1936 года лавры Бойченко в мировых достижениях стал разделять уроженец Сталинграда Леонид Мешков.

В феврале и марте 1945 года соперники начали десятый сезон водных состязаний. На спортивном празднике, посвящённом 27-летию Красной Армии, они встретились на дистанции 100 метров. Мировой рекорд в таком заплыве держит Бойченко — 1 минута 5,4 секунды.

Пловцы прыгнули в воду, и, как всегда, со старта вперёд вырвался Мешков. У Бойченко феноменальный финиш. Но Мешков хорошо изучил тактику своего противника. К финишной длине 25-метрового бассейна он забронировался таким «просветом», что, как ни старался Бойченко своими мощными рывками приблизиться и обойти противника, ему это не удалось. Результат победителя для начала сезона был высокий — 1 минута 9,1 секунды. Бойченко отстал на 1,6 секунды.

Через неделю состоялся розыгрыш традиционного приза газеты «Комсомольская правда». Знаменитые соперники встретились в заплыве брассом на 200 метров. И на этой дистанции мировой рекорд держит Бойченко. Соревнование чемпионов было захватывающим.

Выступление фигуристки Е. Терновской («Динамо») на катке Центрального парка культуры и отдыха.

Фото Н. Волкова

пионов было захватывающим.

На дистанции 200 метров семь поворотов. Первые 25 метров оба плывут батерфляем — модернизированной техникой брасса. Поворот совершают ладонь в

ладонь. Второй бассейн — на долю секунды первым делает поворот Бойченко. После третьего поворота оба переходят на классический брасс и плывут рука в руку. К 100 метрам Бойченко выходит вперёд на пол-

тора метра. Ещё бассейн — Бойченко продолжает плыть батерфляем и увеличивает отрыв до 2 метров. Шестая 25-метровка — Бойченко отдыхает в плавных движениях чистого брасса. Мешков переходит на бурный батерфляй, догоняет своего соперника и выходит вперёд на 3 метра. Финиш! Бойченко — переходит на батерфляй и с каждым взмахом сильных рук стремительно сокращает просвет. Но Мешков всё же остался впереди на одну десятую секунды. Время победителя — 2 минуты 43,1 секунды.

Потерпел поражение и другой рекордсмен СССР — Виталий Ушаков, специально которого является скоростное плавание кролем. Встреча закончилась победой старшины Пустякова, показавшего первоклассное время — 59,9 секунды.

В этом же соревновании победы одержали: Конечкова — в заплыве на 100 метров кролем, Труханова — на 200 метров брассом, Смирнова и Борисов — на 200 метров в плавании на спине, Васильева и Дмитриев — на 100 метров на боку, Симанова и Пустяков — в военизированных заплывах.

Соревнование по прыжкам в воду выиграли Исаак Баркан, Алексей Жигалов и Серафима Блохина. Самой молодой победительницей была красноармеец Нелла Беззаботнова, 19 лет, занявшая первое место в соревнованиях по прыжкам с трамплина с чемпионками СССР Блохиной и Богдановской.

Приз выиграла команда «Динамо».

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта СССР

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что М. Е. Салтыков-Щедрин учился в Царском-Сельском лицее и его первое стихотворение «Лири» было напечатано в «Библиотеке для чтения», когда он был ещё лицеистом?

...что первыми прозаическими работами Салтыкова были небольшие библиографические заметки, которые он печатал в журналах «Отечественные записки» и «Современник»?

...что первое беллетристическое произведение Салтыкова — повесть «Противоречия» — было напечатано в «Отечественных записках» в январе 1847 года?

...что первым произведением Салтыкова, подписанным псевдонимом «Н. Щедрин», были «Губернские очерки», появившиеся в 1856 году в журнале «Русский вестник»?

...что в журнале «Современник» Салтыков помещал свои произведения под псевдонимами «Н. Щедрин», «К. Гурий» («Московские письма»), «Михаил Змиев-Младенцев» («Свисток»)?

...что за один только 1863 год Салтыков напечатал в «Современнике» свыше 40 печатных листов художественной прозы, очерков, статей, рецензий, писем и обзоров общественной жизни?

...что в 1877 году, после смерти Некрасова, Салтыков стал ответственным редактором журнала «Отечественные записки»?

...что после появления в печати «Истории одного города» Тургенев в восторженном письме и хвалебной статье поставил Салтыкова-Щедрина рядом с такими мировыми гениями, как Рабле и Свифт?

...что, кроме комедий «Смерть Пазухина» и «Женитьба», Салтыков написал драматическую сатиру «Тени», которая впервые стала известной в 1914 году — через 25 лет после смерти писателя?

...что Салтыков в следующих выражениях говорит о своей любви к России: «Перенесите меня в Швейцарию, в Индию, в Германию, окружите какую хотите роскошной природой, накройте эту природу какое хотите прозрачное и синее небо — я всё-таки везде найду милые, серенькие тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу их в своём сердце, потому что душа моя хранит их, как лучшее своё достояние»?

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

МЁРТВЫЕ СОЛИ

В 16 километрах от города Соль-Илецк, Чкаловской области (бывшая Илецкая Защита, Оренбургской губернии), находится урочище Мёртвые соли. Среди голых, розной, только кое-где волнообразной степи высится скалистая гипсовая гора, там же залегают известняки, зелёносерые песчаники и красные глины.

На восточном, отлогом склоне горы, в колыце из гипса, находилось пресное озеро, кишевшее мормышом, изобиловавшее карасями. Называлось оно Карасьё озеро.

Весной озеро было очень глубокое, летом сильно испарялось и мелело. Лет 10—15 тому назад оно разделилось на два озера. Одно из них, Карасьё, до сего времени глубокое, другое — заросло камышом и почти совсем пересохло. В камышах как-то нашли юдилье логово, и с тех пор пересохшее

озеро получило название Волчьего.

Из-под гипсовой горы вытекает источник с водой, насыщенной солью. Этот факт позволяет геологам предполагать, что глубоко под горой залегают пласты каменной соли.

УТИНЫЙ НОС

На левом берегу реки Уфы (Башкирия) в горной долине лежит посёлок «Утиный нос». Назван он так по имени горы, у которой расположен. Профиль этой горы удивительно похож на нос гигантской утки. За этой горой находится провал «Утиный нос». Провал имеет форму котла. Стены его уложены, точно руками человека, правильными белыми плитами.

На дне провала растут деревья, валяются глыбы камней и издали чернеет небольшая трещина, ведущая, вероятно, в подземный лабиринт пещер. Здесь долго, почти до середины лета, сохраняется снег.

Наука и техника

КОНТАКТНЫЕ ОЧКИ

Обыкновенные очки иногда бывают весьма неудобны для ношения и даже опасны. В них трудно заниматься спортом, вести машину, подвергающуюся сильным толчкам. Ещё до войны была найдена новая форма очков — в виде линз, без всякой оправы, сделанных по форме глазного яблока и надеваемых на него под веки. Такие линзы должны быть прекрасно отшлифованы и изготовлены строго по индивидуальной мерке. Только в этом случае человек совершенно не ощущает очков. Вначале возникало опасение, что тонкое стекло, находящееся непосредственно на глазном яблоке, в случае удара, даже сравнительно не сильного, представляет для глаза большую угрозу. Но опыты показали, что контактные очки на глазу разбить нелегко: нужен удар такой силы, что глаз без стекла был бы всё равно

повреждён непоправимо. А при ударах небольшой силы контактные очки даже защищают глаз.

Подобно обыкновенным очкам, контактные помогают видеть людям, страдающим различными недостатками зрения. Кроме того они позволяют более совершенно исправлять некоторые дефекты зрения.

Большой статистический материал, собранный американскими врачами, показывает, что только 15% людей, обладающих особенно чувствительными глазами, не привыкают к ношению контактных очков.

Последнее достижение в области контактных очков — это линзы, изготавливаемые из пластмассы. Пластмасса совершенно прозрачна и по своим оптическим свойствам ничуть не хуже стекла. Она легче его на 60% и представляет идеальную защиту глаза, так как не бьётся.

Инж. А. Морозов

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера
Н. Зубарёва

ПАРТИЯ № 11
Игрена в финале Московского шахматного чемпионата 1944 года
Ферзевый гамбит

Рагозин (белые)
1. d2 — d4
2. c2 — c4
3. Kb1 — c3
4. Cc1 — g5
5. Kgl — f3
6. e2 — e3
7. Lal — c1
8. Cf1 — d3
9. Cg5 — h4
10. c4 : d5
11. a2 — a4
12. 0 — 0
13. Фd1 — c2
14. Фс2 — e2!

Котов (чёрные)
d7 — d5
e7 — e6
Kg8 — f6
Cf8 — e7
0 — 0
Kb8 — d7
c7 — c6
h7 — h6
a7 — a6
c6 : d5
b7 — b6
Cc8 — b7
Ла8 — c8

Мастер Рагозин хорошо использует дебютные неточности противника: чёрные вынуждены защищать пешку а6 конём или вернуться обратно ладьей, примирившись с потерей темпа. Совсем плохо 14. ... а5, ослабляя пункт b5.

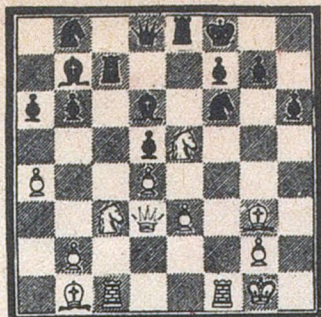
14. ... Kd7 — b8
15. Ch4 — g3
16. Kf3 — e5
17. Cg3 — h4

У чёрных уже нет вполне удовлетворительной защиты против грозного движения белой пешки. Если, например, 17. ... g5, то 18. Cg3, Ke4; 19. Kg4! и т. д. с преимуществом для белых.

18. f2 — f4 Cd6 — e7
19. f4 — f5 e6 : f5
20. Cd3 : f5 Лс8 — c7
21. Ch4 — g3 Ce7 — d6
22. Cf5 — b1 Лf8 — e8
23. Фе2 — d3 Kpg8 — f8

Попытка чёрного короля уйти из-под ударов белых

фигур изящно опровергается Рагозиным.

24. Lf1 : f6!
Жертва качества быстро решает исход борьбы: атака белых неотразима.

24. ... Фd8 : f6
25. Лс1 — f1 Фf6 — e6
26. Фd3 — h7 Kpf8 — e7
27. Фh7 : g7 Kpe7 — d8
28. Cg3 — h4 + Лс7 — e7
29. Cb1 — f5 Cd6 : e5
30. d4 : e5 Фе6 — c6
31. e5 — e6! f7 : e6
32. Cf5 — g6 d5 — d4
33. Cg6 : e8 Фс6 : e8
34. Лf1 — f8 Чёрные сдались.

ПАРТИЯ № 12 СИЦИЛЬЯНСКАЯ

Смыслов (белые)
1. e2 — e4
2. Kgl — f3
3. d2 — d4
4. Kf3 : d4
5. Kb1 — c3
6. Cf1 — e2
7. Cc1 — e3
8. Фd1 — d2

Константинопольский (чёрные)
c7 — c5
Kb8 — c6
c5 : d4
Kg8 — f6
d7 — d6
g7 — g6
Cf8 — g7
0 — 0

Заслуживало внимания 8. Kg4!, устраняя одного из слонов.

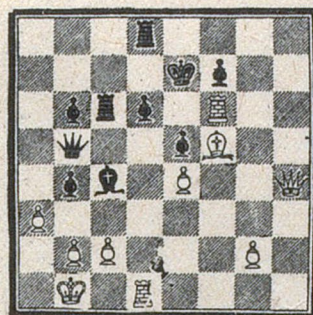
9. 0 — 0 — 0
Белые настроены агрессивно и намерены предпринять

активные действия против королевского фланга противника.

9. ... Kc6 : d4
10. Ce3 : d4 Cc8 — e6
11. Kpcl — b1 Ла8 — c8
12. h2 — h4 Ce6 — c4
13. Ce2 — f3 Лf8 — e8
14. h4 — h5 Фd8 — a5
15. a2 — a3 Фа5 — a6?
16. h5 : g6 h7 : g6
17. Kc3 — d5 e7 — e5
18. Kd5 : f6 + Cg7 : f6
19. Cd4 — c3 Лс8 — c6
20. Cf3 — g4 Ле8 — d8
21. f2 — f4

Чёрным трудно что-либо противопоставить нарастающей атаке белых.

21. ... Фа6 — b5
22. f4 — f5 g6 : f5
23. Cg4 : f5 Kpg8 — f8
24. Cc3 — b4 b7 — b6
25. Лh1 — h6 a7 — a5
26. Лh6 : f6 a5 : b4
27. Фd2 — h6 + Kpf8 — e8
28. Фh6 — h8 + Kpe8 — e7
29. Фh8 — h4!

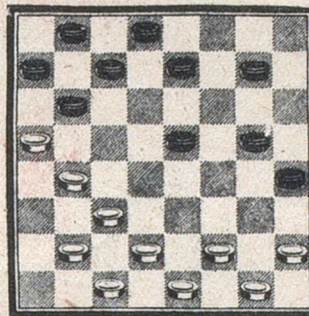
Красивый заключительный маневр, вынуждающий мат.
29. ... Лd8 — h8
30. Лf6 — h6 +
Чёрные сдались.

ШАШКИ

Под редакцией мастера

Г. Торчинского
В. Радьков (белые)
Б. Мартиросян (чёрные)

Окончание партии, игранный в 1945 году в офицерском клубе Н-ской воинской части.

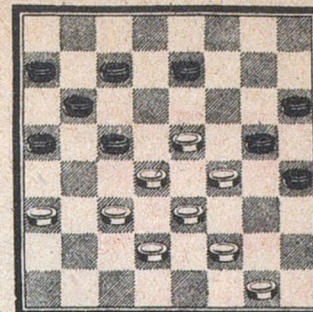

В позиции на диаграмме, получившейся после хода чёрных f8 — e7?, белые сыграли b2 — a3 и в результате партия окончилась вничью. Как показал последующий разбор партии, белые могли выиграть весьма оригинальной комбинацией:

1. c3 — d4!! e5 : a1
2. b4 — c5! b6 : d4
3. a5 — b6!! c7 : a5
Если 3. ... a7 : c5, то 4. c1 — b2 a1 : c3; 5. d2 : e3 с лёгким выигрышем.

4. c1 — b2! a1 : c3
5. d2 : b4 a5 : c3
6. e1 — d2 c3 : g3
7. h2 : e3 и выигрывают.

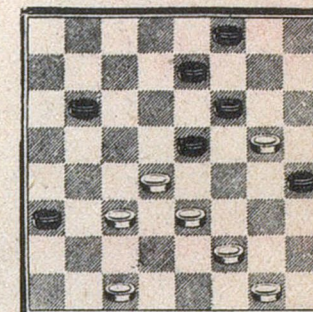
Эта позиция встретилась в партии С. Дьячков — М. Мельниц после ошибочного хода чёрных f8 — e7 (следовало играть f8 — g7 или

c7 — d6). Дьячков мастерски использовал ошибку противника.

Последовало:
1. e5 — f6! e7 — d6
2. d4 — e5! g5 : e7
3. e5 — f6!! e7 : g5
4. c3 — d4! и, несмотря на две лишние шашки, чёрные сдались.

КОНЦОВКА № 1

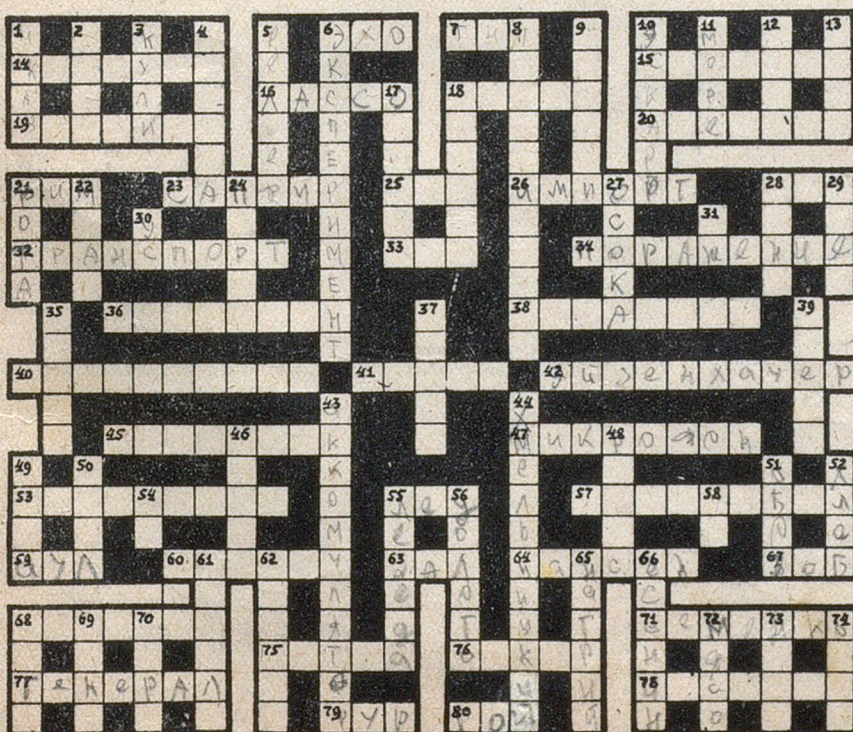
Белые начинают и выигрывают.

Решение задачи № 2 И. Карякина, помещённой в № 12—13 «Огонька».

1. g5 — f6 h8 : e5 (A) 2. h6 — f4 e5 : g3; 3. h4 : b4 a3 : c5; 4. a7 : g1X. (A) 1. ... h8 : d4; 2. a7 : g1 c3 — d2; 3. c1 : e3 b2 — c1; 4. a1 — b2 c1 : f4; 5. h6 : c1X.

КРОССВОРД

Составили читатели «Огонька» Д. Осипов и Л. Вейн.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

6. Акустическое явление. 7. Образ. 14. Община. 15. Тактический приём. 16. Аркан. 18. Французский композитор. 19. Световое явление. 20. Беспokoйство, смятение. 21. Столица европейского государства. 23. Драгоценный камень. 25. Узкий проход. 26. Ввоз. 28. Злак. 32. Средство передвижения. 33. Восток. 34. Пронгрыш сражения. 36. Ядовитое вещество. 38. Кондитерское изделие. 40. Город-герой. 41. Конверт. 42. Командующий союзными армиями. 45. Город в Западной Белоруссии. 47. Деталь звукопередающих и звукопринимающих аппаратов. 53. Алгебраическое выражение. 55. Замерзшая вода. 57. Спортивная игра. 59. Селение в горах. 60. Древнейшее государство в Закавказье. 63. Вечер с танцами. 64. Знаменитый исследователь Аргентики. 67. Заболевание щитовидной железы. 68. Железная дорога в СССР. 71. Русский генерал. 75. Цветок. 76. Имя английского писателя. 77. Военное звание. 78. Город в СССР. 79. Угольный бассейн в Европе. 80. Столкновение вооружённых сил.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Письменное приказание, повеление. 2. Река в СССР. 3. Китайский грузчик. 4. Страна в Америке. 5. Возвышенность на плоскости. 6. Опыт. 8. Название оперы. 9. Противотанковое препятствие. 10. Учёная степень. 11. Водное пространство. 12. Настольная игра. 13. Изделие из хлопка. 17. Трагедия Шекспира. 18. Оправляющее вещество. 21. Войсковое подразделение. 22. Город в СССР. 24. Вязьмчатое вещество. 27. Болотная трава. 28. Специальный помост для боя. 29. Атмосферные осадки. 30. Растительность на лице. 31. Пресмыкающееся. 35. Татарский хан. 37. Советский полководец. 39. Вид литературного произведения. 43. Прибор для накопления и сохранения электроэнергии. 44. Великий украинский государственный деятель. 46. Фрукт. 48. Композитор. 49. Остров. 50. Дорожная принадлежность. 51. Транспортные средства войск. 52. Изделие из теста. 54. Отрицание. 55. Сорная трава. 56. Столярный инструмент. 58. Животное. 61. Дерево. 62. Возмездие, оплата. 65. Металл. 66. Русский поэт. 68. Музыкальный термин. 69. Шёлковая ткань. 70. Рыболовная снасть. 72. Продукт питания. 73. Время года. 74. Название одного из обществ в СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 12—13 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Лаптев. 6. Ливень. 10. Род. 11. Бах. 12. Ров. 13. Лима. 15. Ласка. 17. Пика. 18. Эльба. 19. Клуб. 21. Ара. 22. Или. 23. Зал. 26. Кок. 28. Мед. 31. Тито. 32. Амур. 34. Пират. 35. Вий. 36. Шмидт. 37. Керн. 38. Мука. 40. Шар. 41. Оса. 43. Акр. 46. Три. 50. Ева. 52. Рипсе. 54. Оброк. 55. Смех. 56. Ослон. 58. Турок. 60. Икс. 61. Дно. 62. Фон. 63. Соната. 64. Кактус. *

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Приказ. 3. Тома. 4. Еда. 5. Сальдо. 7. Ира. 8. Воск. 9. Евклид. 13. Лир. 14. Ней. 15. Лак. 16. Аул. 17. Пат. 20. Вис. 24. Атака. 25. Литер. 26. Ковно. 27. Кайма. 28. Мухка. 29. Ермак. 30. Тир. 33. Ода. 39. ПТР. 40. Шинши. 42. Сирень. 44. Ремонт. 45. Мах. 47. Рис. 48. Сов. 49. Акт. 51. Век. 53. Елка. 55. Спок. 57. Ост. 59. Уфа.

450.140

270.160

106.400

Перед вынужденной посадкой на три точки.